

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра теории германских языков и межкультурной коммуникации

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой ТГЯиМКК
_____ /О.В. Магировская/
« _____ » _____ 2018 г.

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

**ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК СФЕРА
РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ ПООЩРЕНИЯ РОЖДАЕМОСТИ
В КНР**

45.04.02 Лингвистика
45.04.02.01 Межкультурная коммуникация и перевод

Магистрант

А.А. Стряпков

Научный руководитель

канд. филол. наук,
доц. каф. ВЯ
Е.В. Чистова

Нормоконтролер

Э.А. Тарасенко

Красноярск 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ.....	7
1.1. Методы исследования современной политической лингвистики.....	7
1.2. Прагматические тактики и стратегии речевого воздействия в политической лингвистике.....	19
1.3. Системообразующие признаки демографического дискурса.....	24
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1.....	29
ГЛАВА 2. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КНР ПОСЛЕ ОТМЕНЫ ПОЛИТИКИ ОДНОГО РЕБЁНКА.....	31
2.1. Демографическая политика КНР (историческая справка).....	31
2.2. Стратегии и тактики поощрения новой политики рождаемости	35
2.3. Языковые средства реализации демографического дискурса	47
2.4. Мультиmodalный аспект исследования демографического дискурса ...	52
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2.....	62
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	65
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	68
ПРИЛОЖЕНИЕ А. ИЛЛЮСТРАЦИИ.....	75

ВВЕДЕНИЕ

С 1956 года в Китае начали проводиться кампании по регулированию количества рождающегося населения. Нововведения, как и политика страны, трансформировались вплоть до четвёртой кампании в 1979 году, главным девизом которой стала фраза «Одна семья – один ребёнок» (独生子女政策). Данная политика хоть и претерпевала изменения, но просуществовала в КНР до 2015 года, когда на 5-м пленуме ЦК КПК 18-го созыва было принято решение об её отмене. Тема отмены политики одного ребёнка активно обсуждалась в российских и китайских СМИ, что доказывает важность данного события. В нашем же исследовании, мы будем изучать специфику лингвистической репрезентации политических изменений, проводимых властями КНР в отношении демографического контроля населения, поскольку данное явление представляется малоизученным в современной лингвистике.

Актуальность настоящей работы обусловлена, в первую очередь, недостаточной изученностью такого типа дискурса как демографический. Изучение КНР и особенностей её внутреннего манипулирования также представляет интерес для нашей страны, поскольку Китай на данный момент является одной из наиболее быстро развивающихся стран мира и одним из самых перспективных партнёров России. В связи с тем, что в КНР была отменена политика одного ребёнка, актуальным представляется изучение влияния данного события на демографический дискурс страны.

Объектом данного исследования является демографический дискурс КНР.

Предметом исследования были выбраны языковые механизмы и средства, репрезентирующие концепцию поощрения рождаемости в КНР и способные оказывать манипулятивное воздействие.

В настоящем исследовании мы выдвигаем **гипотезу**, что в демографическом дискурсе КНР присутствуют языковые средства поощрения политики рождаемости.

Целью настоящего исследования является изучение демографического дискурса КНР, связанного с отменой политики одного ребёнка, и выявление языковых единиц и прагматических стратегий манипулятивного характера, способствующих мотивированности к повышению рождаемости в КНР.

Для достижения поставленной цели в нашей работе предполагается решить ряд конкретных **задач**:

- 1) рассмотреть основные теоретические предпосылки, связанные с понятиями «дискурс», «демографический дискурс», «политическая коммуникация», и терминологически обосновать выбор данных определений;
- 2) выявить и рассмотреть системообразующие признаки демографического дискурса;
- 3) выявить и описать прагмалингвистические стратегии манипулятивного характера, способствующие повышению рождаемости в КНР;
- 4) проанализировать языковые средства лингвистической репрезентации демографического дискурса в политических текстах КНР.

Материалом для исследования послужили статьи интернет-журналов и газет, транскрипты речей политиков и лозунги, отобранные нами в китайском интернет-пространстве. Объём проанализированного материала составил: 38 страниц печатного текста или же около 19000 иероглифов.

Общетеоретическую и методологическую базу диссертации составили труды отечественных и зарубежных учёных в области критического дискурс анализа (Р. Водак, А.А. Филинский, Э.В. Хилханова), коммуникативных стратегий и тактик (Д.Р. Акопова, И.Н. Борисова, О.С. Иссерс, О.Л. Михалёва, Н.Л. Ноблок, О.Н. Паршина), лингвистики текста и теории дискурса (Н.Д. Арутюнова, В.И. Карасик, Е.В. Куликова, М.Л. Макаров), политического дискурса (Э.В. Будаев, С.Н. Генералова,

Е.В. Ли, А.П. Чудинов, Е.И. Шейгал) и демографического дискурса (И.Г. Нагибина, 杨娜 / Ян На).

В рамках нашего исследования применялись общие и частные научные **методы**. В теоретической главе использовались общенаучные методы анализа и дедукции. Для исследования эмпирического материала были реализованы такие лингвистические методы, как дискурс-анализ, метод компонентного анализа, метод специальной выборки, метод классификации и систематизации языкового материала.

Научная новизна работы заключается в изучении языковых средств, обладающих манипулятивными свойствами и оказывающими воздействие на жителей КНР, выраженных в текстах демографической тематики с 2013 года по настоящее время. Впервые были описаны конституирующие признаки демографического дискурса и представлен ряд стратегий и тактик, используемых в китайском демографическом дискурсе для продвижения политики двух детей.

Теоретическая значимость работы состоит, прежде всего, в применении материалов и выводов исследования для дальнейшей разработки проблематики теории дискурса; в расширении сведений о системообразующих признаках демографического дискурса.

Практическая значимость определяется возможностью применения его материалов в лекционных курсах, использовании для подготовки курсовых, выпускных квалификационных работ и диссертаций. Полученные результаты и материалы также можно использовать при составлении образа современной китайской лингвокультуры.

Апробация работы: диссертация прошла апробацию на Международной научно-практической конференции молодых исследователей «ЯЗЫК, ДИСКУРС, (ИНТЕР) КУЛЬТУРА В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЧЕЛОВЕКА» в секции «Актуальные проблемы современного востоковедения». По результатам исследования была подготовлена научная статья в электронном научном

журнале Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета «SiberiaLingua».

Структура магистерской диссертации. Работа состоит из введения, аннотации, двух глав, заключения, списка литературы и приложений.

ГЛАВА 1. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

1.1. Методы исследования современной политической лингвистики

При изучении такого сложного и комплексного объекта как демографический дискурс, мы считаем необходимым обратиться к материалам исследований не только классической лингвистики, но и её прикладным направлениям. Пред тем как перейти к определению роли демографии и методам политической лингвистики необходимо обозначить, что теоретическую предпосылку к проведению настоящего исследования составляют работы по теории речевого воздействия [Шелестюк, 2009; Чернявская, 2006; Котов, 2003; Копнина, 2008; Бабюк, 2004], коммуникативных стратегий и тактик [Борисова, 1996; Ноблок, 2007; Ли, 2011], политического дискурса [Парастаев, 2012; Комисарова, 2008; Бочарова, 2013; Кашпур, 2011; Грушевская, 2002, Шейгал, 2000] и критического дискурс анализа [Водак, 2011; Хилханова, 2012; Филинский, 2002], лексикологии [Верещагин, Костомаров, 1980; Костомаров, 1999], теории дискурса [Куликова, 2008; Макаров, 2003], демографического дискурса [杨娜, 2004; Нагибина, 2016].

Известно, что демография играет значительную роль в развитии любой страны, её экономики, экологии и других сфер жизни общества, именно по этой причине она оказывает влияние на стратегию развития государства и является предметом пристального изучения [Левина, 2008]. Демографический дискурс, в свою очередь, является одной из частей изучения политологии и политической лингвистики, поскольку демография страны не редко является предметом разговора в политической сфере. В каждом развитом государстве проводится перепись населения, которая помогает органам власти контролировать демографическую ситуацию в стране и при необходимости вносить некие запреты на рождаемость, как это произошло в КНР, или же наоборот, используя денежные выплаты за второго

ребёнка, или другие методы, побуждать население к увеличению численности жителей страны.

Поскольку демографический дискурс можно определить как субдискурс политической сферы, то обратимся сначала к подходам и методам исследования политического дискурса. В настоящее время не существует отдельного направления лингвистических исследований, нацеленных на изучение демографического дискурса, со своей собственной методологией исследований. В связи с этим представляется необходимым обратиться к истории изучения более широкого типа дискурса, а именно – политического. Важно заметить, что политические тексты, как устные, так и письменные также оказывают сильное манипулятивное воздействие на граждан страны. Для исследования такого рода текстов необходимо тщательно и пристально ознакомиться с существующей методологией исследования. Демографический дискурс на данный момент, как в лингвистике, так и в политологии представляется предметом изучения, которому уделили не так много внимания на современном этапе исследований, не смотря на важность данной сферы в жизни любого общества.

Изначально изучение политической сферы жизни человека было связано с риторикой и стилистикой, которые больше внимания уделяли сбору стилистических и грамматических правил, использовавшихся в целях практики красноречия и улучшения аргументации в спорах. Риторика берёт свои истоки ещё в Древней Греции, в школах софистов. Как наука риторика существует до сих пор, её категории и методы познания мира послужили опорой для создания многих наук, в частности: философии, логики, филологии и психологии [Тихонова, 2016]. Политическая лингвистика как отдельная наука сформировалась под воздействием нескольких факторов. Во-первых, под воздействием внутренних лингвистических потребностей изучения функционирования языка в различных сферах жизни, а, во-вторых, потребностями государств в изучении политического мышления,

предсказания политических действий, анализа и мониторинга общественного сознания [Баранов, 2001]. Именно первая мировая война послужила толчком к созданию политической лингвистики как отдельного направления, после которой учёные осознали важность понимания механизмов манипуляции общественным мнением в политических речах. Опорой для создания политической лингвистики послужили работы таких авторов как: У. Липпманн, П. Лазарсфельд и Г. Лассвелл.

Современная политическая лингвистика представляет отдельное направление исследований, в котором выделяются три основных метода анализа материала: риторический метод, когнитивный метод, дискурсивный метод.

В основе риторического метода исследования политического дискурса лежат традиционные взгляды на изучение политического языка, восходящие ещё к Древней Греции и Риму. Наиболее яркими учёными, которые использовали данный метод являются: Р. Карпентер, Р. Айви, С. Томпсон, В. Риккерт и Р.Д. Андерсон. Риторическая методика хоть и является наиболее древней из всех в списке, но, как и другие методики, она развивается и адаптируется под современные исследовательские тенденции. Опору для дальнейшего изучения данного метода научному миру дал М. Осборн, который впервые ввёл в научный обиход понятие «архетипичная метафора» и сформулировал шесть основных правил функционирования данных архетипичных метафор в политической сфере. В дальнейших исследованиях М. Осборн пересмотрел категоричность некоторых постулатов, но политические исследователи взяли за основу его первую классификацию:

1. Архетипичные метафоры используются чаще, чем свежие метафоры.
2. Архетипичные метафоры одинаковы во все времена и во всех культурах и независимы от конъюнктурных условий их актуализации.
3. Архетипичные метафоры укоренены в непосредственном общечеловеческом опыте.

4. Архетипичные метафоры соотносятся с основными человеческими потребностями.
5. В большинстве своем архетипичные метафоры оказывают воздействие на преобладающую часть аудитории.
6. Архетипичные метафоры часто встречаются в самых важных частях самых важных политических обращений в любом обществе [Будаев, Чудинов, 2006].

Дальнейшие работы учёных использующих данную методику были направлены не только на поиск архетипичных метафор, но и на выявление культурно специфичных метафор, которые являются ключевыми метафорами культуры.

Когнитивный подход в политической лингвистике позволяет рассмотреть речевую деятельность индивида, как отражение картины мира, которая находится в его сознании. Когнитивный метод выделяет метафору как важную составляющую познавательного процесса, в том числе и в политическом языке. Учёные, использующие данный метод, рассматривают метафору уже не только как фигуру речи, но и как процесс ментальный, как один из способов познания мира. Именно в книге Д. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живём» (1980) метафору в её новом значении использовали для описания когнитивных процессов. Д. Лакофф и М. Джонсон привнесли системность в описание метафоры, как когнитивного механизма, и положили основу для дальнейших исследований, показав потенциал своей теории в практическом применении [Lakoff, Johnson, 1980].

Использование метафоры как одного из механизмов познания также было описано в трудах отечественных учёных: Н.Д. Арутюнова, Л.Г. Лузина, А.А. Новоселова, Е.О. Опарина, В.Н. Телия и др. Согласно М.В. Гавриловой, когнитивный анализ политического текста осуществляется посредством изучения фреймов, концептов и метафорических моделей, которые их связывают. Кроме того, учёный считает, что несомненным преимуществом данного метода является возможность реконструирования ментальных схем,

которые составляют основу изучаемого текста. Понимание данных когнитивных моделей имеет несомненную практическую важность для общества и политиков. Таким образом, используя когнитивный метод, можно получить информацию об особенностях мышления политиков и благодаря этому построить предсказательную модель, которую в дальнейшем можно будет использовать в практических целях [Гаврилова, 2015].

На современном этапе исследований метафора часто взаимодействует с таким понятием как ассоциация, в силу схожести характеров данных явлений. Благодаря ассоциации можно отследить процесс осмысления и переживания явлений одного рода в термины и сущности другого рода.

Дискурсивный подход в политической лингвистике является последним и наиболее популярным из всех представленных. Дискурсивный подход предполагает исследования языкового материала, которые учитывают контекст сложившейся политической ситуации. Согласно М.В. Гавриловой, дискурс является важной частью общественных отношений, который, с одной стороны, формируется данными отношениями, но, с другой стороны, сам формирует эти отношения [Там же, 2015].

Согласно Э.В. Будаеву и А.П. Чудинову, в дискурсивном направлении политической лингвистики существует два наиболее популярных направления. Первое – это критический дискурс-анализ, а второе – дескриптивный анализ политического дискурса. Согласно авторам, дескриптивный дискурс-анализ отличается от критического тем, что требует от исследователя описания и объяснения феноменов, избегая при этом собственной идеологической оценки [Будаев, Чудинов, 2006]. В нашем исследовании мы считаем, что отсутствие идеологической оценки в исследовании невозможно, вследствие чего имеет смысл обратиться к другому направлению и методу исследования – критическому анализу дискурса.

Критический дискурс-анализ политических текстов направлен на изучение способов, с помощью которых власть осуществляет контроль в

обществе. Материалом для исследования обычно выступают социально значимые политические тексты, демонстрирующие неравенство коммуникантов. Изучение текстов, опираясь на этот метод, позволяет выявить имплицитно выраженные бессознательные установки и манипуляции, влияющие на восприятие дискурса. Вся современная методология критического дискурс-анализа опирается на три основные школы:

- когнитивный анализ дискурса Т. ван Дейка;
- дискурс-анализ Н. Фэрклау;
- немецкая школа критического анализа дискурса [Там же, 2006].

Политические тексты, анализировать которые мы будем с помощью методологии критического дискурс-анализа, являются продуктом процесса политической коммуникации. Представляется необходимым детальный разбор самого понятия коммуникации и его частного употребления в политологической сфере научных исследований.

В общем смысле слова под коммуникацией может пониматься – путь сообщения, линия специальной связи или сообщение, общение, речь как средство коммуникации [Ожегов, Шведова, 1992]. Кроме того коммуникация часто понимается как процесс, посредством которого некоторая идея передается от источника к получателю с целью изменить поведение этого получателя [Роджерс, Агарвала-Роджерс, 1980].

Если брать определения политологов, то одно из первых определений коммуникации принадлежит Г. Лассуэллу, который под коммуникацией понимал процесс, включающий в себя: коммуникатора, сообщение, канал сообщения, адресата и эффект произведённый на адресата и считал главным в процессе коммуникации успех или неудачу в попытке оказания определённого эффекта на адресата.

Как можно заметить, общим в определениях является факт передачи информации от одного участника другому, с некоторыми дополнениями, либо отклонениями. Далее мы приведём некоторые определения

политической коммуникации, как частного случая, который интересует нас в нашем исследовании.

В политологии и политической лингвистике исследователи не редко прибегают к такому термину как политическая коммуникация. Часто под политической коммуникацией понимается передача информации между адресатом и адресантом сообщения. Так, например, С.В. Кузьмина под политической коммуникацией понимает: «смысловой аспект взаимодействия субъектов путем обмена информацией в процессе борьбы за власть или ее осуществление» [Кузьмина, 2011]. Согласно Н.Б. Зазаевой, политическая коммуникация – это массовая коммуникация, осуществляемая в такой специфической сфере общества, как политика. Она представляет собой совокупность процессов информационного обмена, передачи политической информации, структурирующих политическую деятельность и придающих ей новое значение [Зазаева, 2007]. Важной частью изучения для политических лингвистов является смысловой аспект коммуникации, при этом социокультурный, исторический и прочие экстралингвистические факторы не учитываются в данных определениях.

Используя вышеприведённые определения политологов, политических лингвистов и лингвистов, представляется логичным охарактеризовать политическую коммуникацию как массовую коммуникацию, осуществляемую в сфере политики, которая представляет собой совокупность процессов информационного обмена, передаёт политическую информацию, структурирует политическую деятельность, придавая ей новое значение и включает в себя коммуникатора, сообщение, канал сообщения, адресата и эффект произведённый на адресата.

Помимо политической коммуникации в политологических исследованиях часто встречается понятие политический дискурс. Некоторые учёные в своих исследованиях пытаются разделить данные понятия. В нашем исследовании такое разделение понятий не принципиально, поэтому мы считаем разумным, вслед за Е.И. Шейгал, которая считала их «нестрогими

синонимами», использовать данные термины как равнозначные [Шейгал, 2000: 33].

Ранее мы вывели общее определение политической коммуникации, опираясь на труды политических лингвистов и политологов. Для настоящего исследования важны социокультурный и исторический аспекты коммуникации, о которых не говорится в выведенном определении. Обратимся к другой трактовке политического дискурса, которое мы будем использовать в дальнейшем исследовании: совокупность всех речевых актов в политических дискуссиях, правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом и отражающих специфические особенности картины мира политика [Генералова, 2010: 101]. На наш взгляд, данное определение в большей мере подходит к целям и задачам нашего дальнейшего исследования.

Ключевым термином в нашем исследовании, наравне с коммуникацией, является дискурс. Поскольку далее мы будем говорить в основном о демографическом дискурсе, представляется необходимым определение дискурса как обособленного понятия и такой его разновидности как демографический дискурс. На данный момент научных исследований дискурс как термин приобрёл широкую популярность, как в лингвистике, так и в других гуманитарных науках: философии, литературоведении, психологии, политологии, теории коммуникации и других.

Благодаря широкой распространённости данного термина, в каждом научном направлении появляется своя особая трактовка, которая бы отвечала целям и задачам исследований. На данный момент не существует единого определения, которое бы отвечало требованиям всех направлений. Говоря о природе дискурса в нашем исследовании можно сказать, что дискурс для нас представляет собой явление промежуточного порядка между речью, общением, языковым поведением, с одной стороны, и фиксируемым текстом, остающимся в результате общения, с другой стороны [Карасик, 2002: 192]. В.И. Карасик рассматривает дискурс как текст, погруженный в ситуацию

общения, или наоборот – как общение посредством текста [Карасик, 2009: 278].

Одно из самых широко цитируемых определений дискурса дала Н.Д. Арутюнова, которая рассмотрела дискурс, как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами или как речь, погруженную в жизнь» [Арутюнова, 1990; 136]. Данное определение уделяет особое внимание актуализации текста в процессе его сотворения в реальном мире, на который влияют множество экстралингвистических факторов. Поскольку мы исследуем демографический дискурс КНР и в частности такое большое событие для жизни и политики страны, как повсеместное разрешение на второго ребёнка, то для нас представляют принципиальных интерес все экстралингвистические факторы, без которых было бы невозможно полное понимание выбора тех или иных языковых средств. Таким образом, опираясь на определение автора, будем интерпретировать дискурс как сложное коммуникативное событие, которое кроме текста включает в себя экстралингвистические факторы, без которых понимание текста представляется неполным.

Основываясь на выведенном понятии дискурса, перейдём к определению ключевого понятия исследования – политического дискурса. В современной лингвистике учёные часто обращаются к любому языковому материалу как части определённого дискурса. Определение границ демографического дискурса определяется тем, что автор подразумевает под данным понятием. Демографический дискурс, в нашем понимании, является сложным коммуникативным событием, происходящим между органами власти и гражданами, в котором основным предметом обсуждения является демография страны (социальные ориентиры и моральные установки в отношении рождаемости), имплицитно задаваемые населению посредством манипулятивного воздействия политической сферы, финансовых рычагов и рекламы.

Определившись с интерпретацией демографического дискурса и политической коммуникации, перейдём к определению функций последней и выделению её ключевых особенностей для нашей научной работы. Для этого обратимся к политологии, науке, которая рассматривает политическую коммуникацию в отношении её взаимодействия с политической системой и гражданским обществом. М.В. Бутырина выделяет следующие функции политической коммуникации:

1) информативная функция, с помощью которой распространяется информация о политической системе, способах её функционирования и крупных структурных элементах;

2) регулятивная функция, которая создаёт оптимальную схему взаимодействия между элементами политической системы, кроме того оптимизируется взаимодействие между обществом и политической системой;

3) функция политической социализации, задаёт нормы политического поведения и деятельности в рамках политической системы;

4) манипулятивная функция, позволяет формировать общественное мнение в отношении важных политических проблем [Бутырина, 2007].

Учитывая социологический и политологический уклон автора данной классификации, можно понять, что автор рассматривает особенности политической коммуникации в частном эффе́ктивности её взаимодействия внутри государственных органов и взаимодействия органов власти с обществом. Не смотря на то, что в данной классификации выделяется манипулятивная функция, которая представляет особый интерес для нашего исследования, мы не можем использовать данную типологию, поскольку она не уделяет должное внимание языку.

Для исследования политической коммуникации, обратимся к классификации функций коммуникации как феномена в целом. С точки зрения лингвистики впервые в отечественной науке выделил функции коммуникации Р.О. Якобсон, который определил, что существуют:

1) эмотивная функция – служит для указания коммуникантом на своё отношение к акту коммуникации в целом или к отдельным его элементам и используется для оказания влияния адресантом на эмоциональное состояние адресата;

2) конативная (побудительная) функция, которая служит для побуждения адресата высказывания к каким-либо действиям;

3) фатическая функция, которая служит для инициации коммуникации, её прекращения и поддержания;

4) референтивная (коммуникативная) функция, которая служит для передачи информации адресантом адресату сообщения;

5) метаязыковая, которая служит адекватности декодирования адресатом кода сообщения.

6) эстетическая (поэтическая) функция, которая уделяет внимание форме сообщения, а не адресату, объекту высказывания или контакту [Якобсон, 1975].

Классификация Р.О. Якобсона раскрывает основные функции языка, которые используются в процессе коммуникации. Классификация является опорой для большинства современных лингвистических моделей коммуникации. Например, А.П. Чудинов в рамках политической лингвистики добавляет к данной классификации когнитивную функцию. По его мнению когнитивная функция, это «использование языка для концептуализации мира, создание личностной, а затем и групповой (партийной) политической картины мира». Автор апеллирует к взглядам современной когнитивной лингвистики и говорит, что язык не отделен от процессов мышления и его организации. Политическое мышление также воплощено в речевых структурах, которые отражают подсознательную оценку действительности адресантом сообщения. Кроме того, автор уделяет особое внимание метафоре, которая рассматривается им как важное средство категоризации в процессе политической коммуникации, с помощью которого политики могут вводить новые категории или же изменять существующие в

сознании аудитории, для достижения своих политических целей [Чудинов, 2009].

В дальнейшем исследовании мы считаем целесообразным использование классификации основных функций политической коммуникации А.П. Чудинова, которая включает в себя: эмотивную, конативную, фатическую, референтивную, метаязыковую, эстетическую и когнитивную функции коммуникации. Данная модель часто используется как теоретическая основа политической лингвистики, для нашего исследования она также представляет практический интерес, поскольку мы изучаем демографический дискурс, который является неким субдискурсом по отношению к политическому.

Поскольку демография является важной составляющей политической сферы, мы сделали вывод, что при изучении демографического дискурса, будет логичным обратиться к категориям и методологии политологии и политической лингвистики. Дискурсивный подход является самым распространённым из всех подходов к изучению языкового материала в политической лингвистике. Одним из самых распространённых методов дискурсивного подхода является критический дискурс-анализ, преимуществом которого является то, что он не подразумевает отсутствие идеологической оценки в исследовании, в отличие от дескриптивного дискурс-анализа. Именно критический дискурс-анализ мы и выбираем в качестве основного метода проведения нашего исследования демографического дискурса КНР, как наиболее подходящий для цели и задач нашего исследования. Исследуя демографический дискурс, как сложное коммуникативное явление, мы посчитали необходимым обратиться к трудам отечественного лингвиста А.П. Чудинова. Из всех классификаций, его показалось наиболее подходящей для нашего исследования, в том числе и потому, что автор модели занимался изучением политической коммуникации и использовал данную свою модель на практике.

1.2. Прагматические тактики и стратегии речевого воздействия в политической лингвистике

На современном этапе лингвистических исследований изучение коммуникативных стратегий и тактик укоренилось в инструментарии, как лингвистов, так и в ряде других гуманитарных науках. Для нашего исследования стратегии и тактики представляют особый интерес, поскольку выявляя их в языковом материале можно доказать наличие, либо отсутствие неких умыслов в речи говорящего. В настоящем исследовании актуальным является поиск поощрения и стимуляции народа КНР к заведению семьи с двумя детьми, предполагается, что для осуществления такой коммуникативной цели были использованы ряд характерных стратегий и тактик манипулятивного характера. Рассмотрим подробнее такой инструмент речевого воздействия в политической лингвистике как “стратегия” и ”тактика”. Данные понятия были широко рассмотрены в работах таких отечественных авторов как И.Н. Борисова, Е.М. Верещагин, О.С. Иссерс, В.Г. Костомаров, О.Л. Михалёва и др.

Данные термины получили широкое распространение и трактовку. Например, в толковом словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой стратегия определяется как наука о ведении войны, а в переносном значении – искусство руководства общественной, политической борьбой, а также вообще искусство планирования руководства, основанного на правильных и далеко идущих прогнозах [Ожегов, Шведова, 1992].

С точки зрения политологии, стратегия в узком смысле определяется как теория участия в политической жизни, процессе, борьбе, применяемая государственной властью либо другими силами. Причём стратегия определяет основное направление деятельности на определенном историческом этапе, объектом которой является разработка и достижение поставленных целей [Халипов, Халипова, 1996].

В лингвистике же стратегия определяется как «совокупность мер по реализации коммуникативных намерений говорящего, при разработке которых учитываются условия, в которых протекает коммуникация» [Акопова, 2013]. Анализируя вышеприведённые определения можно прийти к выводу, что стратегия, в отличие от тактики, нацелена на долгосрочное планирование достижения поставленных целей.

Для определения тактики следует обратиться к А.П. Сковородникову, который определяет речевую тактику как «конкретный речевой ход (шаг, поворот, этап) в процессе осуществления речевой стратегии; речевое действие (речевой акт или совокупность нескольких речевых актов), соответствующее тому или иному этапу в реализации речевой стратегии и направленное на решение частной коммуникативной задачи этого этапа. Реализация совокупной последовательности речевых тактик призвана обеспечить достижение коммуникативной цели речевого общения» [Сковородников, 2004].

Проанализировав настоящие определения, представляется необходимым обратиться к трудам отечественного лингвиста – О.С. Иссерс. Далее коммуникативные стратегии мы будем интерпретировать как совокупность речевых действий, которые направлены на достижение коммуникативной цели и реализуются в коммуникативных тактиках. Коммуникативные тактики в настоящем исследовании определяются как конкретные речевые действия, способствующие реализации стратегии [Иссерс, 2008]. Добавим, что коммуникативные стратегии, в отличие от тактик, имеют долговременный характер применения. В коммуникативной стратегии главной задачей является речевое воздействие и изменение модели мира адресата. Речевая тактика же – это одно или несколько речевых действий, которые позволяют выполнить общую коммуникативную стратегию. Речевая тактика, как и стратегия, может изменяться во время процесса коммуникации, адаптируясь под новые коммуникативные условия,

при оперативном реагировании на новую ситуацию общения [Акопова, 2013; Михалёва, 2009; Сковородников, 2004].

К наиболее знаменитым типологиям стратегий и тактик принадлежит типология О.С. Иссерс, которая в своей монографии «Коммуникативные стратегии и тактики русской речи» выделила основные (когнитивные) и вспомогательные (прагматические, диалоговые, риторические) стратегии, которым соответствует ряд специальных тактик [Иссерс, 2008; 108].

Политическая лингвистика как самостоятельная наука изучает особый вид дискурса, а именно – политический. В политическом дискурсе учёные выделяют ряд наиболее характерных и часто используемых стратегий и тактик, в силу специфики данного вида дискурса. Так существует типология коммуникативных стратегий и тактик, используемых российской политической элитой, которые были описаны О.Н. Паршиной: стратегии самопрезентации, дискредитации, нападения, самозащиты, формирования эмоционального настроя адресата, а также информационно-интерпретационная, аргументативная, агитационная и манипулятивная стратегии [Паршина, 2005; 22].

Довольно большое распространение при анализе политического дискурса получила классификация О.Л. Михалёвой. Данная классификация наиболее универсально и одновременно с тем полно описывает стратегии и тактики политического дискурса, выделяя следующие три основные стратегии:

- 1) стратегия на понижение;
- 2) стратегия на повышение;
- 3) стратегия театральности.

Представляется необходимым рассмотрение каждой стратегии и используемых ими тактик более подробно. Стратегия на понижение – направленность на некий предмет речи, например собеседника, с целью дискредитировать его позиции. В стратегию на понижение входят следующие тактики:

1) тактика анализ-«минус», основывается на негативном описании описываемого предмета речи, например человека, действия, события или поступка, без эксплицитно выраженного негативного мнения о предмете речи;

2) тактика обвинения, заключается в приписывании кому-либо или чему-либо вины, признании объекта речи виновным в чём-либо, раскрытии его негативных намерений или качеств;

3) тактика безличного обвинения, основывается на выставлении ситуации в негативном свете, отрицательном описании отдельных явлений, но при этом виновник открыто не называется;

4) тактика обличения, заключается в приведении таких фактов и аргументов, которые явно уличают вину или преступность кого-либо или чего-либо;

5) тактика оскорбления, основана на экспликации эмоционального отношения к объекту речи, которое обижает, унижает или уязвляет объект речи, не основывается на фактических данных;

6) тактика угрозы, обещание причинить объекту речи зло, неприятность или же просто его запугивание.

Стратегия на повышение – нацелена на увеличение значения статуса адресата речи, данная стратегия состоит из следующих тактик:

1) тактика анализ-«плюс», предполагает такое описание ситуации, при котором имплицитно выражается хорошее отношение к ней адресата;

2) тактика презентации, основывается на представлении кого-либо или чего-либо в привлекательном свете;

3) тактика неявной презентации, похожа на тактику презентации, но в данной тактике выставление в позитивном свете происходит имплицитно, то есть косвенно;

4) тактика отвода критики, оправдание совершённых поступков посредством приведения аргументов или фактов достаточно весомых для убеждения адресанта;

5) тактика самооправдания, отрицание негативных суждений об объекте критики и причастности адресата к тому, чему придаётся негативная окраска.

Особое место при изучении политического дискурса занимает стратегия театральности, которая заключается в использовании перформативных и императивных тактик убеждения на аудиторию:

1) тактика побуждения – это призыв к какому-либо действию или принятию нужной адресату точки зрения;

2) тактика кооперации, схожа с тактикой побуждения, но при использовании тактики кооперации говорящий использует такую форму обращения к адресату, которая позволяет конструировать образ говорящего таким, каким он хочет, чтобы аудитория его видела;

3) тактика размежевания, основана на выявлении различий и несходства в позициях и мнениях;

4) тактика информирования – приведение фактов и данных без отношения говорящего к ним;

5) тактика обещания, при которой адресат обязуется выполнить что-либо, исполнить обещание;

6) тактика прогнозирования – адресат прогнозирует дальнейший ход развития событий, основываясь на интерпретации имеющихся данных;

7) тактика предупреждения – адресат предупреждает адресанта высказывания о потенциально возможных событиях;

8) тактика иронизирования – осуществление воздействия на адресанта за счёт контраста между подразумеваемым и сказанным;

9) тактика провокации – подстрекательство кого-либо к совершению необходимых адресату действий [Михалёва, 2009].

Приведённая классификация речевых стратегий и тактик не является стандартом исследований политического дискурса на сегодняшний день, но является достаточно распространённой в силу своей стройности, полноты и практичности в отношении политического дискурса. Более того, данная

теория универсальна для многих исследований текстов и речей политической сферы. В нашем исследовании предполагается использовать данную классификацию как опорную и впоследствии, в силу особенностей китайской культуры, возможно выделение особой коммуникативной стратегии или тактики наиболее характерной для данной культуры.

1.3. Системообразующие признаки демографического дискурса

Говоря о конститутивных признаках демографического дискурса, важно заметить, что основной функцией данного вида дискурса, является его использование в качестве инструмента манипуляции (конативная функция). Справедливо будет высказывание, что стимулирование к совершению действий, а именно изменению демографической ситуации страны, является основой создания демографического дискурса и представляет особый интерес для нашего исследования.

В силу того, что на данный момент не существует исследований по системообразующим признакам демографического дискурса и по причине схожести ситуации и участников общения в обоих видах дискурса, мы считаем логичным обратиться к результатам исследований политического дискурса, как опоры для нашего дальнейшего исследования. Так, например, О.Н. Паршина выделяет три основных коммуникативных особенности политического дискурса: институциональность, конвенциональность, публичность [Паршина, 2007; Цит. по Халатян, 2010; 52].

В отечественной лингвистике, при исследовании политического дискурса, учёные часто обращаются к исследованиям Е.И. Шейгал, которая подробно описала основные черты политической коммуникации. Помимо функций и определения, профессор вывела конституирующие признаки политического дискурса, к которым по её мнению относятся:

1. Институциональность, которая определяется статусно-ориентированным взаимодействием между институтами, представителями

институтов и гражданами. Такого рода взаимодействие соответствует типичным для данной сферы ситуациям общения.

2. Эмоциональность, которая обуславливается невозможностью нейтрального и объективного общения в политической сфере. Автор отмечает, что даже в новостном дискурсе, в котором изначально подразумевается объективное и беспристрастное изложение информации, невозможно преподнесение материала без влияния идеологической интерпретации. Данное утверждение особо интересно для нашего исследования, поскольку в КНР огромное количество газетных изданий, посредством которых ведётся диалог с обществом, принадлежат Коммунистической партии КНР.

3. Фатичность – ритуальность общения, следование определённым стандартным и стереотипным нормам общения.

4. Смысловая неопределённость – использование в политическом дискурсе семантически расплывчатых терминов и понятий, с целью достижения определённого прагматического эффекта.

5. Фантомность – использование в политической коммуникации слов, в которых отсутствует денотат.

6. Фидеистичность – склонность к иррациональности и опоре на подсознание.

7. Эзотеричность – уклончивость от чёткого ответа и возможность точной интерпретации текста только посвящёнными.

8. Опосредованность политической коммуникации фактором масс-медиа – в политической коммуникации СМИ выполняют роль медиатора, который доводит сообщение до конечного адресата.

9. Дистанцированность – соблюдение определённой дистанции в момент политической коммуникации.

10. Театральность – одна из сторон коммуникации исполняет роль адресата-наблюдателя, который следит за происходящими политическими событиями.

11. Динамичность – использование актуальных политических терминов, соответствие изменчивой политической ситуации [Шейгал, 2000].

Данная классификация рассматривает множество аспектов и феноменов такой уникальной сферы проявления дискурса, как политика. Автор показывает системообразующие особенности политического дискурса, которые обусловлены особым типом отношений в ситуации политического общения. Предполагается, что институциональность, эмоциональность и ряд других признаков политического дискурса, которые выделяет Е.И. Шейгал, будут справедливы и для такого актуального типа дискурса как демографический. В свою очередь А.П. Чудинов выделяет авторство и адресность политических текстов, которые указывают на возможное несоответствие автора и выступающего с текстом в политической ситуации и особенность организации сообщения в зависимости от его аудитории [Чудинов, 2012; 54].

Опираясь на характеристики политического дискурса, проанализируем системообразующие признаки демографического дискурса. В силу того, что государственный аппарат любой страны уделяет особое внимание демографическому аспекту развития страны, следовательно, существуют особые институты, контролирующие и регулирующие демографическую ситуацию в государстве. Кроме того, данные институты имеют определённых представителей, характерных для данного общества. Путём введения новых законов, обращений к гражданам и инициирования социальных государственных проектов, правительство имеет возможность повлиять на демографическую ситуацию сложившуюся в стране. Путём коммуникации с народом могут быть достигнуты цели, поставленные органами власти. В каждой стране существуют свои способы обращения к народу и ритуалы такого рода общения. Таким образом, можно утверждать, что для демографического дискурса свойственна такая функция как институциональность.

Демографическая сфера связывает различные государственные институты, также она представляет значительный интерес для каждого из них. Экономическая, социальная, политическая и другие сферы тесно связаны и зависят от демографии страны. Одной из основных составляющих демографии является желание и возможность населения к рождению детей. В некоторых странах коэффициент рождаемости превышает плановый, а в некоторых он находится ниже необходимого для государства. В зависимости от конкретной демографической проблемы, государство использует ряд как коммуникативных, так и законодательных средств воздействия для их решения. Воздействие в данном виде дискурса проводится с помощью имплицитно или эксплицитно выражаемого отношения говорящего к объекту речи. Скрытое или явное отношение к предмету речи способно оказать влияние на картину мира адресата сообщения. Кроме того, учитывая интимный характер такого вопроса как рождение ребёнка, представляется невозможным нейтральное отношение к предмету разговора, как у адресата сообщения, так и у адресанта. При обращении представителей власти к населению, тематикой которого является демографические вопросы, имеет место идеологическая или же эмоциональная окраска сообщения. Под эмоциональностью в данном случае мы будем понимать невозможность объективной и беспристрастной речи автора. Демографическому дискурсу, так же как и политическому, свойственно отражение ценностных ориентаций, убеждений и определённых взглядов, оказывающих воздействие на адресата. В дальнейшем мы будем говорить об эмоциональности, как об одной из конституирующих черт демографического дискурса.

Опосредованность фактором масс медиа также справедлива и для демографического дискурса, поскольку большинство процессов коммуникации власти в наше время опосредовано различными медиаторами, которые передают информацию о том или ином демографическом событии. Говоря о роли медиатора, то в случае демографического дискурса им

выступают органы СМИ, которые пересказывают информацию, комментируют её или же обычным образом ретранслируют.

С другой стороны, поскольку политика рождаемости в КНР постоянно совершенствуется и изменяется, то при смене вектора развития государства, органам власти приходится использовать актуальные термины, по-новому описывающие политический курс страны. Кроме того авторы должны оперативно подстраивать оформление своих сообщений под новые реалии страны. Данные свойства демографического дискурса позволяют нам утверждать о его динамичности.

Таким образом, на настоящем этапе нашего исследования в системообразующие признаки демографического дискурса мы будем включать: институциональность, эмоциональность, опосредованность фактором масс медиа и динамичность. Мы также будем рассматривать интенцию воздействия на адресата сообщения как определяющую черту демографического дискурса.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

При изучении демографического дискурса мы считаем целесообразным обратиться к категориям и методологии политической лингвистики. Дискурсивный подход является самым распространённым из всех подходов к изучению языкового материала в политической лингвистике. Одним из самых распространённых методов дискурсивного подхода является критический дискурс-анализ, преимуществом которого является то, что он не подразумевает отсутствие идеологической оценки в исследовании в отличие от дескриптивного дискурс-анализа. Именно критический дискурс-анализ мы используем в качестве основного метода изучения демографического дискурса КНР, как наиболее подходящего для достижения целей и задач нашего исследования. Изучая демографический дискурс как сложное коммуникативное явление, мы посчитали необходимым обратиться к трудам отечественного лингвиста А.П. Чудинова. Из всех классификаций, его разработка показалась нам наиболее релевантной, так как автор модели занимался изучением политической коммуникации и использовал свою модель на практике.

В качестве основной классификации стратегий и тактик мы решили взять классификацию О.Л. Михалёвой. Данная классификация является универсальной для многих исследований текстов и речей политической сферы, что отвечает задачам нашего исследования. В нашей работе данная классификация использована как опорная, и впоследствии, в силу особенностей китайской культуры, возможно выделение особой коммуникативной стратегии или тактики наиболее характерной для данной культуры, а также корректирование функций тех или иных коммуникативных тактик.

Что касается демографического дискурса как особого явления, то мы считаем, что для демографической коммуникации свойственны: институциональность, эмоциональность, опосредованность фактором масс-

медиа и динамичность. Кроме того, демографический дискурс также ориентирован на конативную (регулятивную) функцию языка.

ГЛАВА 2. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КНР ПОСЛЕ ОТМЕНЫ ПОЛИТИКИ ОДНОГО РЕБЁНКА

2.1. Демографическая политика КНР (историческая справка)

Китайская Народная Республика за последние 20 лет стала одним из самых быстро развивающихся государств. Китай уже обошёл Японию и сравнялся с США в сфере экономики, стал крупнейшим мировым экспортёром, где производится большинство товаров мира. Только в КНР насчитывается 1.38 миллиарда жителей, не говоря о китайцах, которые живут за границей, каждый из которых несёт с собой богатейшую культуру своей страны [国家统计局, 2017]. Неоспоримым фактом считается то, что Китай на данный момент является одной из наиболее влиятельных стран мира, сотрудничество с которой желают осуществлять многие государства, в том числе и Россия.

Ключевую роль в политике развития любой страны играет её демография и количество трудоспособного населения, и КНР не является исключением из правил. Некоторые учёные считают, что мало в каких странах демографический фактор играет такую важную роль и оказывает влияние на перспективы социально-экономического развития страны, как в Китае [Назарова, Серова, 2010]. Широко известным является факт, что в КНР на протяжении долгого времени существовала политика «одна семья – один ребёнок». Данная политика на законодательном и административном уровнях ограничивала рождаемость в большинстве семей до одного ребёнка и существовала более 35 лет. Представляется необходимым детальное изучение особенностей демографической политики КНР для понимания отношения китайцев к институту семьи в настоящее время.

Политика ограничения рождаемости впервые была упомянута в декабре 1954 года, когда государственный деятель и председатель КНР Лю Шаоци созвал Госсовет КНР и впервые выдвинул вопрос о контроле над рождаемостью «节制生育». В марте 1955 года ЦК КПК заявил об

утверждении «одобрения целесообразного контроля над рождаемостью» (赞成适当地节制生育). После Великого китайского голода, который длился с 1959 года по 1961 год, в декабре 1962 года Госсовет ЦК КПК выпустил «указания серьёзно взяться за реализацию осуществления планирования семьи» (关于认真提倡计划生育的指示), которые требовали пропагандировать контроль за рождаемостью в городах и плотно населённых деревнях. С тех пор политика ограничения рождаемости постоянно изменялась и совершенствовалась правительством КНР в зависимости от перспектив развития государства и присутствовавших демографических, социальных или экономических проблем. В декабре 1973 года после совещания по плановому деторождению был установлен дальнейший план развития, который звучал как: «Поздно, редко, мало» (晚稀少). Данный план демографического развития вводился повсеместно и пропагандировал поздние браки, рождение двух детей в одной паре и промежуток между рождением первого и второго ребёнка, примерно в 4 года. Спустя 5 лет, в октябре 1978 года ЦК КПК одобрило решение заседания руководящей группы над плановым деторождением, который гласил, что семейные пары с одним ребёнком – являются примером для нации и, что два ребёнка устанавливается пределом для одной супружеской пары, с интервалом между детьми в три года и дольше. В 1979 году правительством КНР были описаны и узаконены основные правила планового деторождения. Данные правила несли с собой административные и законодательные меры воздействия, помогающие контролировать рождаемость в стране. За исключением малых народностей Китая, политика, ориентированная на рождение одного ребёнка вводилась во всех городах и деревнях страны, исключение составляли деревни, находящиеся на территории провинций Юньнань, Цинхай и в автономных районах Нинся и Синьцзян, в которых было разрешено иметь двух детей в семьях. Согласно статистическим данным количество рождений на одну женщину в 1982 году составляло 2,9 ребёнка, в то время как в 1970

году количество детей на одну женщину составляло 5,8 [Ван Дун, 2002]. Можно сделать вывод, что демографическая политика КНР возымела огромный эффект на жителей страны.

В течение следующих лет в центральном офисе Государственного департамента, отвечающего за планирования семьи, проходили неоднократные совещания по снижению коэффициента естественного прироста населения. В правительстве КНР ставилась задача в два этапа снизить коэффициент естественного прироста населения до нуля к 2000 году, что помогло бы решить проблему перенаселения. Для реализации поставленной цели в КНР при рождении первого или второго ребёнка вводились меры по медицинскому предотвращению дальнейшей беременности, такие как: введение внутриматочной спирали, стерилизация, а иногда и хирургическая операция по искусственному аборту. Следующим важным регулированием в законодательстве являлось разрешение для супружеских пар, которые являлись единственными детьми в семье, на рождение двух детей, которое произошло в 1984 году. В историю данный политический курс вошёл под названием 双独两孩 (разрешение на второго ребёнка для единственных детей). Чуть ранее в 1982 году впервые в КНР в провинции Гуандун была осуществлена политика двух детей в семье с одной дочерью (一孩半 или 独女户二胎), которая распространялась на семьи, живущие в деревне, и предусматривала разрешение на второго ребёнка только в том случае, если первой в семье родилась девочка.

В административные и законодательные меры по контролю над рождаемостью также входили и денежные штрафы за несоблюдение партийного плана по рождаемости в семьях, сумма штрафов составляла 4–8 средних годовых доходов в провинции проживания нарушителя. Как можно заметить из вышеперечисленного, вопросу демографии уделяется значительное внимание со стороны государства. Правительство КНР вводило ряд необходимых мер для устранения проблем общества и благополучного его развития. Благодаря руководству страны, Китай на сегодняшний день

является одной из самых экономически развитых стран во всём мире, имеющих большое значение для развития экономики в целом [Рут, 2016]. Хотя действия правительства КНР и ставили целью улучшить жизнь граждан страны, всё же в наше время появились новые, совсем противоположные демографические и социальные проблемы, с которыми столкнулся Китай.

Законы, ограничивающие количество детей в семье, со временем, в силу своей продолжительности, изменили мировоззрение китайцев на институт семьи, что сказалось на среднем возрасте заключения брака, количестве разводов, среднем возрасте рождения детей и других демографических факторах. На настоящий момент в КНР наблюдается рост количества семей, которые не хотят заводить детей, что сказывается на перспективах экономического и социального развития страны. Согласно исследованиям всё больше граждан КНР начинают склоняться к тому, чтобы самим выбирать, сколько детей им заводить и заводить ли их вообще, не смотря на государственный курс и общую пропаганду. Наблюдается тенденция, которая заметна в западных странах, где создание семьи и заведение детей не считаются чем-то приоритетным или необходимым для счастья индивида [Чжан Лян, 2016].

В связи с появившимися демографическими проблемами (увеличением процента урбанизации, уменьшением количества трудоспособного населения, уменьшением количества рождаемости и других), правительство Китая в 2013 году начинает разрабатывать и вводить в отдельных провинциях новый закон, позволяющий супругам иметь до двух детей, без каких-либо ограничений. В 2015 году данная политика была распространена повсеместно, что привело к увеличению количества рождаемости, но не достаточному для правительства КНР. Некоторые учёные считают, что в КНР слишком поздно отменили старую политику, которая жёстко ограничивала семьи в количестве детей. Считается, что продолжительность и интенсивность политики одного ребёнка повлияла на картину мира жителей

КНР, которые готовы завести всего одного ребёнка, либо не готовы заводить детей вообще [Куприянова, Янишевская, 2017].

Рассмотрев ключевые этапы изменения демографической политики Китая, мы можем увидеть, что демографический вопрос тесно связан с политикой развития государства, как один из ключевых факторов. В КНР были разработаны и введены различные политические курсы, которые бы ограничивали супружеские пары в количестве детей в семье. Пропагандистская деятельность наряду с законодательными и административными мерами влияния на население оказали огромную роль на множество жителей КНР, которые в наше время более не склоняются к классической модели многодетной семьи. Именно поэтому в качестве объекта нашего исследования был выбран демографический дискурс КНР, как один из наиболее важных институциональных дискурсов современной китайской лингвокультуры. Нам представляется необходимым более детальное изучение особенностей китайского демографического дискурса, имеющего большое значение для понимания общей модели поведения жителей и правительства КНР.

2.2. Стратегии и тактики поощрения новой политики рождаемости

Учитывая тот факт, что политические курсы планового деторождения были разработаны и внедрены в жизнь населения Государственным комитетом по делам здравоохранения и планового деторождения КНР, который является ведомством Государственного совета КНР, мы предположили, что в китайских СМИ будут присутствовать языковые единицы поощрения рождаемости, выраженные рядом коммуникативных стратегий и тактик.

Политика одного ребёнка просуществовала в КНР более 35 лет, за время её существования вводился ряд мер по поощрению семей с одним ребёнком и ряд наказаний за несоблюдение политического курса развития

государства. В совокупности, как мы писали ранее, работы по регулированию демографической ситуации в КНР, проводившиеся вплоть до 2015 года, повлияли на классическое представление жителей Китая о многодетной семье. Согласно исследованиям большая часть граждан КНР больше не желают заводить детей, а тем более создавать многодетные семьи.

Анализируя настоящую социальную, экономическую и демографическую ситуацию, мы пришли к выводу, что правительство КНР для решения ряда государственных проблем должно применять меры манипулятивного воздействия для изменения картины мира населения страны. Представляется логичным, что подобного рода убеждение должно осуществляться в рамках демографического дискурса. Как мы говорили ранее, одним из конституирующих признаков демографического дискурса является опосредованность фактором масс-медиа, что обуславливает выбор материала нашего исследования, а именно текстов газет, статьи которых посвящены такому прецедентному событию в жизни страны, как отмена политики одного ребёнка и введение новой политики двух детей.

Из-за наличия в КНР такого технического фильтра информации в интернете как «防火长城» (Великий китайский файрвол), через цензуру проходит всё, что загружается в китайское интернет пространство. Если почти весь китайский интернет подвергается цензуре одного характера, то говоря о СМИ КНР нужно учитывать, что газеты, журналы и любые достаточно крупные новостные издания подвергаются гораздо более пристальному взгляду правительства. Кроме того, в КНР присутствует такое явление как «самоцензура», которая подразумевает, что журналист в страхе потерять свою работу никогда не напишет в критическом ключе об идеях и целях правительства [Макдонелл, 2017]. Исследуя тексты СМИ в Китае необходимо также отметить, что такие крупные издания как «Жэньминь жибао», Центральное телевидение Китая, информационное агентство «Синьхуа» официально принадлежат ЦК КПК и являются крупнейшими информационными источниками в КНР. Говоря о прочих новостных

ресурсах в китайском интернет пространстве, мы не можем утверждать, что они контролируются правительством Китая напрямую, но можно предположить, что китайская цензура косвенно влияет на содержание статей. Таким образом, можно считать, что в КНР не существует открытых оппозиционных СМИ, в том смысле как мы их понимаем.

Всего в работе было проанализировано 38 страниц печатного текста. Источниками материала послужили: Газета «Ваньи» (163.com), 中国日报 (China Daily), информационное агентство «Синьхуа», сайт «Центрального телевидения Китая».

В проанализированных текстах демографической тематики нами были найдены языковые единицы, с помощью которых осуществляется манипулятивное воздействие на жителей КНР. Данные единицы были выражены в ряде характерных коммуникативных стратегий и тактик.

Первой для рассмотрения мы возьмём тактику на понижение, основной целью которой является дискредитация предмета разговора. Данная стратегия была реализована в демографическом дискурсе КНР с помощью ряда тактик:

1) тактика анализ-«минус», которая применительно к демографическому дискурсу КНР используется для негативного описания настоящей демографической ситуации, либо тех или иных её факторов:

- 全国绝大多数地区和人口已经进入极晚婚—极晚育和生育意愿较低—生育成本很高的婚育模式。— По всей стране в подавляющем числе районов сложились определённые паттерны поведения населения: люди слишком поздно вступают в брак, слишком поздно заводят детей, и желание рожать относительно низкое, ведь воспитание ребёнка требует больших финансовых затрат;
- 这个数据低得可怕 (总和生育率只有 1.05) – Эта цифра пугающе низкая (общий коэффициент рождаемости 1.05);

- 该地区生育率仅有 0.81 – Процент рождаемости в этом районе едва достиг 0.81;
- 不管生育率到底是 1.05 还是 1.6, 都已经处于很低的生育水平 – Не важно, каков всё-таки коэффициент рождаемости – 1.05 или 1.6, оба варианта всё равно находятся на очень низком уровне;
- 出生人数并未出现大幅度增长 – Вовсе не было обнаружено значительного увеличения числа новорожденных;
- 中国人口生育率已经长期处于较低水平 – Процент рождаемости в Китае уже достаточно длительное время находится на низкой отметке;
- 少生、晚生在一部分地区尤其是城市已经成为一种文化 – В части регионов, а в особенности в городах, малое количество и позднее рождение детей стали своего рода тенденцией;
- 中国十年乃至二十年内生育率都不会有很大反弹 – Китай за первое десятилетие в 21 веке и даже за второе, не сможет вернуть процент рождаемости в прежнее состояние;
- 生育率再创新低 – Уровень рождаемости постоянно понижается;
- 中国低生育水平还在向纵深发展 – Низкий уровень рождаемости в КНР до сих пор присутствует и продолжает понижаться;
- 生育率过低而不是生育率反弹 – Процент рождаемости слишком низок и не возвращается в прежнее состояние;
- 生育权利、生育意愿和生育行为之间是有差距的 – Права на рождение детей, желание рожать детей и тенденции в области рождаемости не соответствуют друг другу;
- 实际生育水平低于意愿生育水平 – В реальности уровень рождаемости меньше чем количество людей желающих рожать;
- 现在新生代人口中间已经形成新的生育文化, 这就是选择性独生的低生育文化, 甚至不生育的丁克文化 – Сейчас у нового поколения уже сформировалась новая культура рождения детей, эта культура подразумевает

сознательный выбор ограничения одним ребёнком. Дело иногда доходит до того, что создаётся семья без детей с обоими работающими супругами;

- **сверхнизкий уровень рождаемости**使得中国面临人口结构失衡和断裂的大问题 – Сверхнизкий уровень рождаемости привел к тому, что Китай оказался перед лицом огромных проблем разрыва и дисбаланса структуры населения;

- **0-14 лет**的少儿人口的比重和规模都有下降趋势, 而老年人口的比重和规模却在上升 – Количество детей в возрасте до 14 лет имеет тенденцию к понижению, в то время как количество пожилого населения растёт;

- **空巢老龄化**和病苦老龄化问题加剧 – Проблемы одиноких и больных пожилых людей обострились;

- **生育率**进入超低水平 – Рождаемость достигла сверхнизкого уровня;

- 与此同时, 我国劳动年龄人口下降, 老年人口不断上升 – В том числе в нашей стране происходит убывание количества трудоспособного населения и непрерывное увеличение пожилого населения;

- **老龄化**加速影响经济 – Ускоряющееся старение населения влияет на экономику;

- **再生育意愿**有所下降 – Желание снова рожать отчасти снизилось;

- 王丰说, 中国持续多年的低生育意愿, 继续持续下去对中国是雪上加霜的 – Ван Фэн говорит, что много лет длившееся в Китае низкое желание рожать продолжает непрерывно падать, одна беда за другой идёт для Китая.

Следующей мы рассмотрим стратегию на повышение, данная стратегия относительно демографического дискурса КНР использовалась для представления новой политики повсеместного разрешения на двух детей в положительном свете, кроме того данная стратегия могла применяться для выставления в положительном свете действий правительства. Настоящая стратегия была представлена рядом тактик:

1) тактика анализ-«плюс», на наш взгляд, является наиболее типичной тактикой стратегии на повышение в китайском демографическом дискурсе,

который связан с отменой политики одного ребёнка и проведением политики двух детей, данная политика основывается на выражении отношения говорящего к объекту речи в выставление его в позитивном свете:

- 积极开展应对人口老龄化行动 – Активно разворачиваются ответные меры на старение населения;
- 一年来, “全面二孩”政策已经在各地加快推进, 开局良好。 – Прекрасное начало повсеместного осуществления политики второго ребёнка;
- 全面二孩是涉及到政府、家庭和社会的多层次长期调整问题, 包括政策的衔接、措施的执行、家庭的准备、社会资源的配置和社会心理的调整等方面。 – Всеобщее разрешение на второго ребёнка имеет отношение к многоуровневому решению долгосрочного регулирования государственных, семейных и общественных проблем: политические связи, выполнение мероприятий, подготовка семьи, распределение социальных ресурсов, регулирование социальной психологии и прочие аспекты;
- “全面二孩”政策必将在实践中逐步完善 – Политика второго ребёнка непременно постепенно совершенствуется в процессе её реализации;
- 调整和完善的 第一步 – Первый шаг в регулировании и совершенствовании (политика двух детей);
- 生育政策和社会政策的综合配套值得期待 – В общем и целом политика рождаемости, а также социальная политика государства оправдали ожидания;
- «全面二孩»新政是历史性转折 – Повсеместное разрешение на второго ребёнка является переломным моментом в истории;
- 客观上, “全面二孩”大概能够解决多数中国家庭的生育问题 – Объективно говоря, повсеместное разрешение на второго ребёнка, пожалуй, сможет разрешить большинство проблем, связанных с семьёй и рождаемостью в Китае;

- 至少它能保证社会公平 – По крайней мере политика двух детей способна обеспечить социальную справедливость (речь идёт о соотношении мужчин и женщин в обществе);

- 生育意愿的问题通过政策或许能够解决 – Вероятно, посредством введения политики можно будет решить проблему отсутствия желания рожать;

- 对此, 国家卫计委表示, 全面实施二孩政策, 有利于优化人口结构, 增加劳动力供给, 减缓人口老龄化压力 – В связи с этим Государственный комитет по делам здравоохранения и планового деторождения заявил о полномасштабной реализации политики второго ребёнка, которая способствует оптимизации структуры населения, увеличению количества рабочей силы и снижению темпов старения населения;

- 同时, 有利于促进经济持续健康发展, 实现全面建成小康社会的目标, 以及更好地落实计划生育基本国策, 促进家庭幸福与社会和谐。 – Одновременно с тем (новая политика) способствует последовательному экономическому развитию, помогает осуществить ближайшую цель – достичь всестороннего построения среднезажиточного минимума, а также улучшает осуществление основной государственной политики по планированию семьи, содействует семейному счастью и гармонии в обществе;

- 根据形势发展的变化调整完善生育政策 – Основываясь на появившихся изменениях, регулирует и совершенствует политику рождаемости;

- 根据我们的调查, 90%的夫妇基本想要一到两个孩子, 想生三个、四个不会超过 5%。这样的话, 全面二孩的政策就会在大家的生育意愿之内 – Согласно нашему опросу, 90% супружеских пар хотят от одного до двух детей, число желающих родить трёх или четырёх детей не может превышать 5%. Именно всеобщее разрешение на второго ребёнка отвечает желаниям большинства людей;

- 有利于提高家庭抗风险能力，增加未来劳动力的供给和缓解老年抚养负担。 – (политика двух детей) Способствует повышению возможности семей справляться с неприятными ситуациями, повышает трудоспособность населения в будущем и уменьшает давление на молодое поколение, материально обеспечивающее старшее;

- 全面二孩的放开，一定程度上可以改善家庭结构，有利于家庭经济社会功能的发挥 – Повсеместное разрешение на второго ребёнка в определённой степени может улучшить структуру семей, поспособствует развитию домашнего хозяйства и социальной функции;

- 除了平衡出生人口性别比，全面二孩政策实施对缓解我国人口老龄化也将起到积极作用 – Не считая стабилизации соотношения полов в населении, повсеместное осуществление политики двух детей также в будущем окажет позитивное влияние на проблему старения населения;

- 原新认为，全面二孩政策实施到本世纪中叶可以使老龄化水平降低 1.5 个百分点 – Юэнь Синь считает, что до середины этого века повсеместное осуществление политики двух детей сможет понизить уровень старения населения на 1.5%;

- 值得一提的是，公报中的“促进人口均衡发展”、“完善人口发展战略”、“积极开展应对人口老龄化行动”的政策方向与此前的“控制人口增长”相比有很大变化 – Заслуживает упоминания то, что можно увидеть большие изменения, сравнивая политический курс в новых заявлениях: «поощрение гармоничного развития населения», «постоянно совершенствующаяся стратегия развития демографии», «активное развитие ответных действий на тенденцию старения населения»; и в старых – «сдерживать рост населения».

2) тактика отвода критики, которая использовалась в изучаемых нами текстах, для оправдания или доказательства верности решения принятого относительно государственной политики рождаемости органами власти:

- 中国生育水平过低的主要原因既不是调查质量问题，也不是生育政策限制，而是新的社会经济文化环境中的生育抑制作用强大 – Основная причина того, что в Китае такой низкий уровень рождаемости, заключается не в проблеме низкого качества опроса населения и не в ограничениях накладываемых политикой планирования семьи, а в том, что социально-экономический культурный контекст оказывает сильное подавляющее воздействие на рождаемость.

3) тактика презентации использовалась в демографическом дискурсе для представления работы органов власти в выгодном свете:

- 国家卫计委早在 2013 年就组织专家团队对中国的人口情况进行认真测算、调研和分析研究 - Государственный комитет по делам здравоохранения и планового деторождения ещё в 2013 году организовал команду специалистов, которая произвела серьёзные расчёты демографического состояния Китая, провела опрос и аналитические исследования (презентуется оперативность мер государства);

- 因此，党中央审时度势 – Ввиду этого Центральный комитет партии оценил момент и проанализировал обстановку;

- 促进人口均衡发展的重大举措 – Действия государства способствуют гармоничному развитию населения;

- 完善人口发展战略，全面实施一对夫妇可生育两个孩子政策 – Совершенствуя стратегию развития демографии, повсеместно реализуется политика, позволяющая семейным парам иметь двух детей;

- 中央历来高度重视人口工作 – Центральный комитет издавна обращает внимание на проблемы населения;

- 国家卫生计生委会同有关部门...广泛听取各界意见 – Государственный комитет по делам здравоохранения и планового деторождения совместно с соответствующими органами...выслушал разнообразные точки зрения;

- 中国逐步调整生育政策 – Китай постепенно регулирует политику рождаемости.

Последняя стратегия, которую мы рассмотрим, будет стратегия театральности, которая относительно нашего исследования подразумевает использование всех прочих тактик, которые обычно бывают императивного или перформативного характера и своей целью ставят оказание прямого влияния на адресата сообщения.

1) тактика побуждения, которая использовалась для призыва к какому-либо действию или же принятию нужной точки зрения:

- 要避免经济社会的负面影响，需要进一步放开并鼓励生育 – Необходимо предотвратить негативное влияние на экономику и общество, для этого требуется дать ещё больше свободы в деторождении и ещё больше его стимулировать;

• 前的优先关注问题应当是长期低生育的风险 – В настоящее время особое внимание нужно уделять вопросам долгосрочных рисков низкой рождаемости;

• 应当超越单纯从人口变化出发 – Следует начать с преодоления простых изменений в обществе (речь об изменении приоритетов китайцев в рождении детей);

• 应当缓解育儿与工作和事业发展的冲突 – Необходимо смягчить конфликт между воспитанием детей, работой и карьерным ростом;

• 生育率过低仍然是必须认真加以应对的主要人口风险 – Необходимо дать серьёзный ответ на как и прежде слишком низкий уровень рождаемости, который является основной проблемой населения;

• 他甚至表示，社会应建立新的共识，多生孩子是好事 – Он даже заявляет, что в обществе необходимо создать новое понимание о том, что рожать много детей – это хорошо;

• 不少人口学家认为应该鼓励多生孩子 – Достаточно много демографов полагают, что необходимо поощрять рождение множества детей.

2) тактика кооперации в нашем исследовании использовалась для обращения автором сообщения к коллективному составляющему людей, объединяющему в своих идеях и целях адресата и адресанта сообщения:

- 人口政策是关系国计民生的大事情 – Демографическая политика очень важна, она затрагивает интересы государства и народа.

Политика кооперации также выражалась неоднократным использованием таких языковых единиц как 我国 (наша страна), 中华民族 (китайская нация) и 我们 (мы). Можно заметить, что неоднократное использование данных языковых единиц в контексте новой политики второго ребёнка подталкивает адресата сообщения воспринимать новое явление, как коллективное и общее с ним.

3) тактика информирования является приведением данных и фактов, не сопровождаемого выражением отношения говорящего к предмету речи:

- 以往“少生就是一切”理念的改变 – Прошлая концепция рождения малого числа детей изменилась;

- 现在少生优生已经成为社会生育观念的主流 – Сейчас выражение «рождать меньше, но лучше» уже стало отражать основные общественные взгляды на рождаемость.

4) тактика прогнозирования, которая использовалась для предсказания, суждения о дальнейшем течении, развитии чего-либо на основании интерпретации различных имеющихся данных:

- 如果生育率长期处在 1.6, 未来总人口依然将以每 60 年减半的速度萎缩 – Если в дальнейшем процент рождаемости будет оставаться на отметке 1.6, то в будущем численность по-прежнему будет уменьшаться, сокращаясь в два раза каждые 60 лет.

5) тактика предупреждения, которая по результатам нашего исследования применялась для предостережения, предваряющего извещение о возможных событиях, действиях, ситуациях и тому подобного:

- 中国要担心的与其说是人口反弹，不如说是人口萎缩 – Китаю нужно беспокоиться не столько о том, что численность не может вернуться в прежнее состояние, а о том, что население сокращается;
- 结构失衡会深刻影响到中国的持续发展 – Дисбаланс структуры населения может оказать глубокое влияние на устойчивое развитие Китая.

Представляется необходимым составление диаграммы для облегчения восприятия процентного соотношения использования коммуникативных стратегий и тактик:

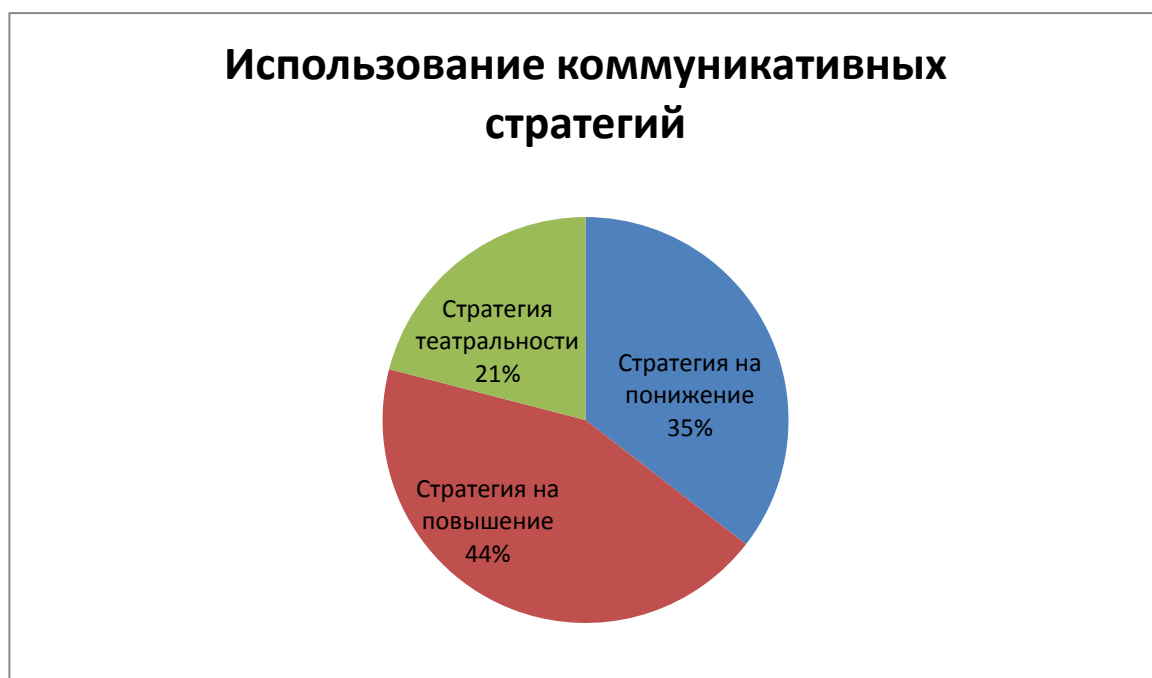

Рисунок 1. Процент использования коммуникативных стратегий

Как можно увидеть, наиболее популярной в демографическом дискурсе КНР является стратегия на повышение, которая составляет 44% использования коммуникативных стратегий и тактик. Предполагается, что создание позитивного образа политики второго ребёнка и работы государства, является культурной особенностью Китая. На втором месте стоит стратегия на понижение, которая составила 35% случаев. Несмотря на стремление описывать сложившуюся демографическую ситуацию в позитивном контексте, авторы текстов также используют негативные образы, а именно описывают существующие демографические проблемы с целью напугать жителей КНР и мотивировать их к созданию семьи и

заведению двух детей с целью решения настоящих проблем. Самой низкочастотной оказалась стратегия театральности, которая была обнаружена нами в 21% примеров. Данная цифра говорит о том, что перформативные и императивные языковые приёмы не так востребованы в демографическом дискурсе КНР.

2.3. Языковые средства реализации демографического дискурса

Рассматривая политические события с точки зрения лингвистики, а повсеместное разрешение на второго ребёнка в первую очередь является именно политически важным событием для КНР, маркерами актуальности и новизны данного события в обществе, являются неологизмы.

На настоящем этапе лингвистических исследований не существует общего определения понятия неологизм. Под неологизмами могут пониматься новые слова, которые образовались в языке впервые, были заимствованы из других языков, перешли из одного стилистического пространства в другое или стали широко распространёнными только в период их изучения [Котелова, 2015: 227]. Также неологизмы могут рассматриваться как новые слова, появившиеся в языке для определения новых понятий, но которые ещё не вошли в активный словарный запас языка [Шанский, 2009:168].

Неологизмы представляются сложным языковым явлением, особое внимание которому уделяют лексикографы. Ключевым для нашего исследования представляется процесс номинации новых объектов, явлений и фактов действительности. Более того, необходимо отметить, что неологизмы могут создаваться искусственно в целях внедрения нового восприятия реальности носителями языка, как это можно предположить в отношении процесса введения политики второго ребёнка в КНР. Кроме того, некоторые неологизмы могут закрепиться в качестве устойчивой лексической единицы, другие могут быть забыты в силу их невостребованности. Можно сказать,

что реакция населения на неологизмы устанавливает такой критерий, как успешность или неуспешность новой единицы [Абросимова, 2011: 108].

Подытожив всё вышесказанное, можно заключить, что в дальнейшем исследовании под неологизмами мы будем понимать новые лексические единицы в языке, которые обозначают новые концепты в картине мира определённого общества или представляют имеющиеся ранее лексические единицы в новом значении. На наш взгляд закрепившиеся неологизмы отражают «дух времени» и показывают актуальные события для общества. Они отражают потребность общества в номинации новых понятий, событий и реалий, которые имеют значение для жизни общества. Необходимо сказать, что под лексическими единицами мы будем понимать не только слова и словосочетания, но и лозунги КНР.

Для нашего исследования лозунги представляют особый интерес, поскольку мы изучаем демографический дискурс коммунистического государства, в котором органы власти осуществляют контроль над рождаемостью на нескольких уровнях, в том числе и пропагандистском. В инструментарий управления народом такого государства обычно входят лозунги, с помощью которых задаётся нужный государству образ мысли населения. В исторической перспективе в лозунгах отражались общественно значимые явления, модные понятия и реформы государства, они являлись большой частью коммунистической культуры КНР. Несмотря на повышение самосознания граждан после проведения реформ открытости, лозунги используются до сих пор и представляют некий рычаг манипулирования общественным сознанием, хоть и не такой эффективный как раньше [Ян Ке, 2010: 78].

После введения повсеместного разрешения на второго ребёнка на законодательном уровне, новостные ресурсы наполнились статьями, описывающими и анализирующими это событие. Кроме того, после анализа демографического дискурса КНР нами были выявлены неологизмы, вводимые правительством и задающие ряд необходимых для государства

национальных концептов. Первая группа состоит из неологизмов, включающих в себя лексические единицы, которые номинируют новую политику контроля над рождаемостью в КНР или же отдельные проекты данной политики:

- 二孩 – второй ребёнок;
- 二胎 – вторая беременность;
- 两孩 – два ребёнка.

Анализируя данные неологизмы можно сказать, что они и ранее существовали в языке, но актуализировались только с введением новой политики. Словосочетания приобрели дополнительное концептуальное значение, указывающее на такое историческое событие, как введение политики двух детей.

Также появились неологизмы, которые напрямую указывают на политику второго ребёнка:

- 全面两孩 – программа полного разрешения двоих детей;
- 全面二孩政策 – программа полного разрешения двоих детей;
- 二孩政策 – политика двух детей;
- 两孩政策 – политика двух детей;
- 二胎政策 – политика двух детей.

Данные термины ранее не существовали в китайском языке и актуализировались в процессе проектирования и реализации правительством КНР политики двух детей. Как можно заметить, в контексте новой политики понятия «二孩 – второй ребёнок», «两孩 – два ребёнка» и «二胎 – вторая беременность» выступают как нестрогие синонимы. Если «二胎政策 – политика двух детей» образовалась по модели термина «一胎政策 – политика одна семья – один ребёнок», то неологизмы «二孩政策 – политика двух детей» и «两孩政策 – политика двух детей» включают в себя уже не иероглиф 胎, который в данном случае обозначает плод или беременность, а

иероглиф 孩, который обозначает ребёнка. Представленные неологизмы используются для номинации, введённой в 2015 году политики второго ребёнка, как особого исторического события.

Помимо неологизмов номинирующих саму политику второго ребёнка, нами были выявлены лексические единицы, которые обозначают другие общественные и государственные реалии:

- 二孩政策相关配套设施 – комплексные мероприятия, связанные с политикой второго ребёнка;
- 高龄产妇生二胎 – позднее рождение детей.

Оба примера связаны с новой политикой второго ребёнка. Первый пример обозначает ряд мероприятий, которые правительство решило провести для улучшения демографических условий страны. Данный неологизм состоит из двух частей и связующего элемента: первая часть обозначает комплекс мероприятий (配套设施), которые связаны (相关) со второй частью, обозначающую политику второго ребёнка (二孩政策). Это понятие пришло в китайский язык после введения новой политики рождаемости в КНР. Второй пример обозначает социальную реальию, которая актуализировалась в связи разрешением рождения второго ребёнка. После отмены ограничения для семей на одного ребёнка, люди в позднем возрасте, а именно после 35 лет, начали заводить детей, данная реальия и приобрела настоящее наименование.

Кроме того, в китайском интернет пространстве, нами были найдены лозунги, целью которых было продвижение политики второго ребёнка и закрепление в сознании населения новой, необходимой государству, установки на рождение двух детей в семье. Рассмотрим найденные нами лозунги, которые появились после введения новой политики:

- 一胎少, 二胎好, 有人养老还有小棉袄 – один ребёнок – мало, два ребёнка – хорошо, есть кому позаботиться о стариках, есть опора для родителей;

- 一个太少两个正好，一个嫁人，一个养老 – один – слишком мало, двое – в самый раз, одна выйдет замуж, один позаботится о стариках;
- 一胎穷，二胎富，全面小康党带路 - （小康社会 отсылка） один ребёнок – нищета, два ребёнка – богатство, партия указывает дорогу к всеобщему благополучию;
- 二胎政策放开来，中国梦更精彩 – появилась политика второго ребёнка, «китайская мечта» стала ещё ярче;
- 男孩女孩都是宝，两孩老来欢乐多 – мальчик или девочка – оба, это сокровище, два ребёнка в старости принесут много радости.

Ранее в КНР существовала политика «одна семья – один ребёнок», которая пропагандировала идеальный образ семьи, в которую входят два родителя и один ребёнок. Существовавшая концепция идеальной семьи выражалась в соответствующих лозунгах и слоганах, которые существовали в стране. Слоганы, которые были приведены нами, не только являются неологизмами по своей временной принадлежности, но и по своему содержанию. Данные примеры пропагандируют новый идеальный образ семьи, мотивируя его дальнейшей заботой детей о родителях. Кроме того, данные лозунги представляют работу органов власти в выгодном свете и связывают проведение новой политики с китайской мечтой о среднезажиточном обществе.

Можно сделать вывод, что в демографическом дискурсе КНР присутствуют неологизмы, представленные различными лексическими единицами, в том числе и лозунгами. Ставится вопрос об успешности закрепления некоторых неологизмов в силу роста самосознания населения и усложнения оказания влияния с помощью таких средств как лозунги. Факт наличия неологизмов, говорит нам о важности исторического события, как для социума, так и для государственных органов, которые создают привлекательный образ планового деторождения и политики двух детей.

2.4. Мультимодальный аспект исследования демографического дискурса

На современном этапе лингвистических исследований, процессы коммуникации начинают рассматриваться в комплексном взаимодействии разноуровневых знаковых систем. Коммуникация рассматривается как комплекс знаковых систем, которые создают смыслы и взаимодействуют друг с другом. Благодаря данному роду взаимодействия, единицы одного уровня могут приобретать новое значение и трактоваться в контексте других информационных уровней [Сорокина, 2017: 168]. Мультимодальность является важным концептом в исследованиях, как лингвистики, так и ряда других гуманитарных наук: политологии, психологии, социологии и других.

В дальнейшем исследовании под мультимодальностью мы будем понимать спектр внешних стимулов, воспринимаемых одним из чувств человека, например зрением и слухом. Чаще всего выделяются сегментный (вербальный) и визуальный информационные каналы сообщения [Кибрик, 2008: 133]. Если разделять все типы дискурсов на письменные и устные, то можно определить, что мультимодальность в письменном дискурсе проявляется за счёт приобретения лингвистическими знаками визуально-пространственных особенностей оформления. Наиболее частыми особенностями оформления текста являются: пробелы, орфография, деление на разделы, расположение на странице, а также использование таблиц, графиков и изображений [Хутыз, 2016: 92]. В нашем исследовании мы уже уделили внимание коммуникативным стратегиям, тактикам и неологизмам в демографическом дискурсе КНР, далее нам представляется необходимым дополнить данный список изображениями, которые являются важной частью визуального информационного канала.

В нашем исследовании мы рассматриваем различные средства воздействия в демографическом дискурсе, которые создают положительный образ политики второго ребёнка. Одним из таких средств, с нашей точки

зрения, выступают изображения, которые были найдены нами в исследуемых статьях. Всего найдено 12 фотографий и рисунков, которые использовались на новостных и информационных ресурсах. К первой группе, мы считаем необходимым отнести изображения, которые создают образ позитивного восприятия самой политики второго ребёнка:

Рисунок 2.

Рисунок 3.

Рисунок 4.

Рисунок 5.

Рисунок 6.

Как можно заметить на первых четырёх рисунках присутствует письменное упоминание политики второго ребёнка 全面二孩政策 (всесторонняя политика второго ребёнка) или 全面放开二孩 (всестороннее разрешение второго ребёнка), на рисунке номер пять, вместо прямого упоминания политики, проиллюстрировано прибавление в семье второго ребёнка, что в контексте употребления изображения может трактоваться как ссылка на политику второго ребёнка. Рассмотрев все приведённые изображения, можно выделить некую общность среди них, по принципу которой мы посчитали возможным объединить их в одну группу. Во-первых, на всех рисунках присутствуют два главных объекта – это семьи (рисунки 6, 5 и 2), их отдельные представители (рисунок 4) или образ семьи (рисунок 3, на котором можно увидеть мужские и женские руки, протянутые вверх, что имплицитно можно трактовать как супружескую пару), а также изображения детей (рисунки 3, 4, 5, 6) или надписи, указывающие на политику второго ребёнка (рисунки 2, 3, 4, 5). Во-вторых, на всех рисунках родители и дети протягивают руки к объектам, олицетворяющим проведение политики второго ребёнка (младенцам или свитку с соответствующей надписью). Данная позиция родителей на имплицитном уровне подразумевает их радость, прошение или готовность принять объект их внимания. Кроме протянутых рук на 5 из 6 изображениях можно увидеть улыбку на лице

родителей и детей, что говорит нам о позитивном восприятии или даже их радости по отношению к политике второго ребёнка. Подводя итог, можно сказать, что на приведённых выше изображениях создаётся образ супружеских пар или семей, которые положительно оценивают политику второго ребёнка. Предполагается, что использование данных рисунков в демографическом дискурсе, способствуют созданию некой модели поведения для читателей и имплицитно воздействуют на их картину мира.

Помимо рисунков нами также были найдены ряд подобных фотографий, на которых изображены родители, но объектом их позитивного восприятия является уже не проведение политики второго ребёнка, а родившиеся дети. Представляется необходимым выделение группы изображений, которые создают образ позитивного восприятия второго ребёнка:

Рисунок 7.

Рисунок 8.

На данных фотографиях можно увидеть родителей и их детей, улыбка родителей говорит нам о некоем эмоциональном состоянии, которое они испытывают рядом со своими детьми, а именно – счастьем. Поскольку данные фотографии были использованы в контексте проведения новой политики второго ребёнка, то можно сделать вывод, что авторы статей пытались создать позитивный образ семей, в которых присутствуют два ребёнка.

Изучая демографический дискурс КНР, в контексте отмены политики одного ребёнка, мы выделили вторую группу изображений, которые показывают позитивную восприятие второго ребёнка самими детьми:

Рисунок 9.

Рисунок 10.

Рисунок 11.

Можно увидеть, что на рисунках 10 и 11 дети улыбаются и если рассматривать их улыбку в контексте ситуации, то можно сделать вывод, что дети рады тому, что они проводят время с братом или сестрой. Более того, на рисунке 8 мы видим старшего брата, который ведёт свою младшую сестру, что подразумевает заботу о младшем ребёнке, оказание младшему внимания и показывает ответственность одного ребёнка за другого. Анализируя данные фотографии, можно сделать вывод, что дети рады появлению нового члена семьи, что является ещё одним из поводов завести второго ребёнка. Если

рассматривать данные фотографии относительно того, что они были использованы в демографическом дискурсе, то можно предположить, что, включая данные изображения в текст статьи, автор сообщения пытался создать позитивный образ семьи с двумя детьми, аргументируя это любовью между детьми и их позитивному восприятию пополнения семьи.

Один из найденных нами рисунков, мы относим к изображениям, создающим образ готовности государства и общественности к разрешению на второго ребёнка:

Рисунок 12.

На рисунке 12 мы можем увидеть следующие надписи: 公共服务 – социальное обслуживание, 计生工作 (сокращённо от 计划生育工作) – работа по плановому деторождению, 家庭准备 – семейная подготовка, и 全面二孩 – полное разрешение двоих детей. Надписи соответствуют каждому из персонажей и олицетворяют органы власти и социальные явления. Социальное обслуживание в КНР в данном случае относится к предоставлению населению медицинских услуг для успешного проведения родов, работа по плановому деторождению за создание и совершенствование

самой политики рождаемости. Семейная подготовка означает семейное планирование затрат и ряда других вопросов после зачатия ребёнка и полное разрешение двоих детей, подразумевает новые законодательные правила для всех граждан КНР. В пространственном отношении видно, что все персонажи на картинке бегут, и первым из них «бежит» политика второго ребёнка. Поскольку персонажи не идут, а бегут друг за другом, можно сделать вывод, что создаётся образ активной реализации политики и готовность, как органов власти, так и семей к осуществлению новой политики. Кроме того, как и ранее все персонажи на изображении улыбаются, что говорит о восприятии ими политики второго ребёнка в позитивном ключе.

Следующая группа изображений включает в себя фотографии, которые создают образ негативной оценки существующей в КНР демографической ситуации:

Рисунок 13.

Фотография использовалась в контексте описания настоящей демографической ситуации, в частности речь шла о слишком большом

проценте пожилого населения, которое нуждается в заботе. На изображении мы видим, что на переднем плане стоит молодой человек, на заднем плане за ним стоят его родственники. В культуре жителей КНР молодое поколение обязано заботиться о пожилых, как физически, духовно, так и материально, поскольку в преклонном возрасте родители надеются на своих детей и зависят от них. На фотографии видно, что на одного ребёнка приходится семь родственников, о которых необходимо заботиться, что показывает всю серьёзность проблемы. На фоне данной проблемы, политика второго ребёнка преподносится как один из способов её решения.

Подводя итоги можно сказать, что мы доказали использование изображений как дополнительных средств убеждения в демографическом дискурсе КНР. Всего мы выделили пять образов, которые создаются иллюстрациями: образ позитивного восприятия семьёй политики второго ребёнка, образ позитивного восприятия родителями второго ребёнка, образ положительного восприятия детьми второго ребёнка, образ готовности государства и общества к проведению политики второго ребёнка и образ негативной оценки демографической ситуации. Данные образы создают некий пример восприятия и оценки новой демографической политики, что, как и любая пропаганда, имплицитно влияет на картину мира читателей. Оказание воздействия на реципиентов мотивируется не только наличием данных изображений в новостных текстах, но и конкретным выбором того или иного изображения.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

Нами были рассмотрены основные исторические даты введения и изменения политики контроля рождаемости в КНР. Сам факт присутствия у государственного аппарата возможности путём административных и законодательных мер воздействия диктовать населению, сколько детей в семье должно рождаться, говорит о важности демографического дискурса, как для государства, так и для населения. Более того, описание предыстории актуальных для нашего исследования событий, позволяет понять, что традиционные устои китайских семей были изменены. Если раньше супружеские пары старались завести как можно больше детей, чтобы те обеспечивали их в старости, то сейчас молодое поколение ставит своим приоритетом карьеру. Карьеризм является не единственной причиной низкого количества желающих заводить множество детей. Другой причиной считается относительно дорогое содержание ребёнка.

Во второй главе нами было подтверждено наличие в демографическом дискурсе КНР механизмов поощрения рождаемости. Нами было замечено, что китайскому демографическому дискурсу свойственна положительная оценка действий органов власти по изменению политики планирования семьи. Сама политика и действия правительства часто рассматриваются в позитивном свете, присутствуют ссылки на мнения демографов, экономистов и политиков. Для продвижения новой политики рождаемости также систематически говорится о демографических проблемах страны, которые влияют на экономику и социальную жизнь общества. Нами были найдены примеры стратегий и тактик, неологизмов и изображений, которые помогают реализации целей правительства.

Результаты исследования подтверждают, что ключевой функцией демографического дискурса является конативная. Данная функция обуславливается социальными и политическими реалиями, которые влияют на демографический курс государства, что изменяет коммуникативную цель

представителей института власти. Мотивация, побуждение или поощрение являются способами влияния на граждан КНР. Побуждение неразрывно связано с внедрением в текст коммуникативных стратегий и тактик, инструментов достижения соответствия между желаемой и реальной демографической статистикой. Материалы исследования иллюстрируют, что основной задачей государства является побуждение жителей страны к созданию семей с двумя детьми. В проанализированных текстах нами было найдено 62 примера использования разнообразных стратегий и тактик, что говорит о вариативности демографического дискурса КНР после отмены политики одного ребёнка. Кроме того, в некоторых случаях воздействие на читателя усиливается за счёт добавления в визуальный информационный канал такого элемента как изображение. В большинстве случаев иллюстрации являлись образом, который демонстрировал идею второго ребёнка в привлекательном свете, усиливая тем самым речевое воздействие текстов.

Демографический дискурс представляет собой систему, которая быстро и остро реагирует на изменения в жизни общества. Важным признаком данного типа дискурса является его динамичность. Одним из проявлений динамичности на лексическом уровне является появление в языке неологизмов. В нашем исследовании мы выявили неологизмы, появившиеся в китайском языке в контексте новой политики рождаемости. Актуальность реализуется в новых языковых единицах номинирующих политику второго ребёнка, общественных и государственных реалиях, а также в лозунгах, пропагандирующих новый демографический курс страны.

Эмоциональность демографического дискурса была выражена рядом оценочных лексических единиц, которые выражают мнение субъекта. Данного рода единицы отражают ценностные ориентации, убеждения и доказывают невозможность беспристрастной и объективной речи автора сообщения в демографическом дискурсе: 极晚 – слишком поздно, 低得可怕 –

пугающие цифры 积极开展 – активно осуществляет, 开局良好 – отличное начало и другие.

Кроме того, во время исследования нами были найдены примеры реализации демографического дискурса на баннерах и плакатах. Данные изображения относились к реализации политики второго ребёнка и несли собой пропагандистский характер. После анализа интернет пространства КНР мы убедились, что большинство такого рода пропагандистских плакатов размещены в городской местности, что говорит нам о специфичном выборе адресата сообщения. Предположительно данные примеры будут рассмотрены в дальнейших работах, поскольку представляют особую сферу проявления демографического дискурса.

Во второй главе мы рассмотрели основные языковые механизмы и средства, которые репрезентуют концепцию поощрения рождаемости в КНР и способны воздействовать на картину мира граждан страны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Опираясь на методологию как классической, так и политической лингвистики, мы использовали дискурсивный подход для изучения демографического дискурса, который включает в себя критический дискурс-анализ. Поскольку в отечественной лингвистике на данный момент не существует определения понятия демографического дискурса, нам пришлось обратиться к базовому пониманию понятия дискурса в лингвистике и затем вывести своё понимание данного коммуникативного явления. В нашем исследовании под демографическим дискурсом мы подразумеваем сложное коммуникативное событие, происходящее между органами власти и гражданами, в котором основным предметом обсуждения является демография страны, социальные ориентиры и моральные установки в отношении рождаемости, имплицитно задаваемые населению посредством манипулятивного воздействия политической сферы, финансовых рычагов и рекламы. Для исследования такого сложного коммуникативного события мы выбрали за основу классификацию стратегий и тактик О.Л. Михалёвой, которую в процессе нашего исследования трансформировали, согласно особенностям демографического дискурса.

В практической части нашего исследования мы рассмотрели основные ключевые этапы изменения политики контроля над рождаемостью, которая имела настолько большой эффект на китайцев, что изменила старое представление о том, как должна выглядеть идеальная семья. Вслед за изменением картины мира и сдерживанием роста населения появился ряд противоположных проблем: дисбаланс в структуре населения, низкий процент рождаемости, увеличение количества нетрудоспособного населения и другие. Кроме того, появились так называемые семьи «DINK», которые отказываются от рождения детей. Для решения данных проблем правительство КНР спустя более 35 лет отменило политику одного ребёнка, но этого оказалось мало, для изменения демографической ситуации

потребовалось мотивировать граждан КНР к созданию семей. Мы доказали, что стратегии и тактики языкового воздействия входят в ряд инструментов, которыми пользуются средства массовой информации, политики и учёные, для того, чтобы изменить сложившуюся в КНР демографическую лагуну общества. На настоящий момент, можно заключить, что демографическому дискурсу КНР в большей степени свойственна стратегия на повышение, что на наш взгляд, обусловлено рядом культурных факторов, в том числе и концептом «лицо» в китайской культуре, которое подразумевает избегание прямого конфликта, осторожное отношение к «лицу» нации. Стратегия на понижения также используется в текстах, посвящённых демографии страны и новой политике второго ребёнка. Её характерной особенностью является направленность негативного анализа ситуации в целом, без указания виновной стороны.

Нами также были интерпретированы неологизмы в практической части нашего исследования. Мы нашли и описали неологизмы, появившиеся в контексте политики второго ребёнка, которые были представлены не только словами и словосочетаниями, но и такими свойственными и важными лексическими единицами для китайского языка как лозунги. Кроме того, используя мультимодальный подход к исследованию, мы заметили, что в некоторых статьях рисунки и фотографии использовались, как дополнительные средства оказания коммуникативного воздействия на читателя.

Можно сделать вывод, что демографический дискурс является важным аспектом жизни всех китайцев, поскольку затрагивает такую важную составляющую как семья. Поскольку в КНР существует ряд демографических проблем, которые необходимо решить, правительство использует статьи новостных ресурсов как одно из средств воздействия на население, с целью побудить китайцев заводить семьи с двумя детьми. Представляется доказанной изначальная теория о наличии в демографическом дискурсе КНР языковых средств поощрения рождаемости.

В процессе нашего исследования нами были рассмотрены основные теоретические предпосылки, связанные с понятиями «дискурс», «демографический дискурс», «политическая коммуникация», и терминологически обоснован выбор того или иного определения. Кроме того, мы выявили и рассмотрели системообразующие признаки демографического дискурса, которые включают в себя: институциональность, эмоциональность, опосредованность фактором масс-медиа и динамичность. Далее мы выявили и описали прагматические стратегии и тактики манипулятивного характера, способствующие повышению рождаемости в КНР. Также нами были проанализированы и описаны языковые средства лингвистической репрезентации демографического дискурса в политических текстах КНР.

Настоящий материал может быть использован для дальнейших исследований демографического дискурса КНР и его национально-культурных особенностей у представителей разных стран. Кроме того возможно изучение и сравнительная характеристика демографического дискурса КНР на разных этапах её исторического развития. Перспективным предполагается исследование языковых личностей и изучение стилистических особенностей демографического дискурса КНР.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абросимова Л.С. Неологизмы как фактор изменения языковой картины мира // Вопросы когнитивной лингвистики. Вып. 1. Тамбов: Тамб. гос. ун-т имени Г.Р. Державина, 2011. С. 106–110.
2. Акопова Д.Р. Стратегии и тактики политического дискурса // Вестник нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Филология. 2013. Вып. 6. С. 403–409.
3. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская Энциклопедия, 1990. С. 136–137.
4. Бабюк М.И. Социальная манипуляция: Философский анализ: дис. ... канд. филоф. наук: 09.00.11. Москва, 2004. 125 с.
5. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику: учеб. пособие. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 347 с.
6. Большой китайско-русский словарь (БКРС) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bkrs.info.html>. (дата обращения: 06.09.2016)
7. Борисова И.Н. Дискурсивные стратегии в разговорном диалоге // Русская разговорная речь как явление городской культуры. Екатеринбург: Урал. гос. ун-т, 1996. С. 21-48.
8. Бочарова Э.А. Политический дискурс как средство манипуляции сознанием. Стилиевые характеристики: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Белгород, 2013. 232 с.
9. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Зарубежная политическая лингвистика: учеб. пособие. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2006. 252 с.
10. Бутырина М.В. Политология: учеб. метод. пособие. Иваново: ГОУ ВПО «Ивановский государственный энергетический университет имени В.И. Ленина», 2007. 252 с.
11. Ван Дун Демографические процессы в Китае во второй половине XX в.: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. Москва, 2002. 162 с.

12. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. М.: Русский язык, 1980. 320 с.
13. Водак Р. Критическая лингвистика и критический анализ дискурса // Политическая лингвистика. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2011. Вып. 38. 300 с.
14. Гаврилова М.В. Политическая лингвистика в России: как языковеды читают политические тексты // Структурные трансформации и развитие отечественных школ политологии: коллективная монография / отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина. М.: Аспект Пресс, 2015. 464 с.
15. Генералова С.Н. Понятие «Политический дискурс» в лингвокультурологической парадигме // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2010. Т.5. Вып. 1. С. 95–101.
16. Грушевская Т.М. Политический газетный дискурс: Лингвопрагматический аспект: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Краснодар, 2002. 256 с.
17. Зазаева Н.Б. Политическая коммуникация: лекция // Философия и общество. Волгоград: Учитель, 2007. Вып 4. С. 175–187.
18. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 288 с.
19. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
20. Карасик В.И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009. 406 с.
21. Кашпур В.В. Миромоделирующая функция жанров российского политического дискурса. Стилиевые характеристики: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Томск, 2011. 183 с.
22. Кибрик А.А. Мультимодальная лингвистика: направления исследований // Когнитивное моделирование в лингвистике. Труды X

международной конференции. Казань: Изд-во Казанского университета, 2008. С. 132–145.

23. Комисарова Т.С. Механизмы речевого воздействия и их реализация в политическом дискурсе: на материале речей Г. Шрёдера. Стилиевые характеристики: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Орёл, 2008. 250 с.

24. Копнина Г.А. Речевое манипулирование: учеб. пособие. М.: Флинта, 2008. 176 с.

25. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. СПб.: Златоуст, 1999. 330 с.

26. Котелова Н.З. Избранные работы. СПб.: Нестор-история, 2015. 276 с.

27. Котов А.А. Механизмы речевого воздействия в публицистических текстах СМИ: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Москва, 2003. 280 с.

28. Кузьмина С.В. Политический дискурс как неотъемлемая часть политической коммуникации // Известия Саратовского университета. Серия: Социология. Политология. 2011. Т 11. Вып. 2. С. 54–56.

29. Куликова Е.В. Языковая специфика рекламного дискурса // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Филология. Искусствоведение. 2008. Вып. 4. С. 197–204.

30. Куприянова Ю.А., Янишевская А.И. Новая демографическая политика в Китае: «Одна семья – два ребёнка» // Демографическое обозрение. НИУ ВШЭ, 2017. Т.4. Вып. 2. С. 53–64.

31. Левина Е.И. История демографии как науки и её роль в современной макроэкономической ситуации в России // Вестник Тамбовского Университета. Серия: Гуманитарные науки. Вып. 11. 2008. С. 409–413.

32. Ли Е.В. Диалектическое взаимодействие универсальных и этнокультурных стратегий аргументации в политическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Иркутск, 2011. 209 с.
33. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.
34. Макдонелл С. Как китайское правительство вводит цензуру на мысли [Электронный ресурс] // BBC, 2017. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-41634979> (дата обращения: 11.05.18)
35. Михалева О.Л. Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия. М.: Либроком, 2009. 256 с.
36. Нагибина И.Г. Опыт анализа китайского исследования внешне и внутренне ориентированного дискурса о политике ограничения рождаемости в КНР // Известия Южного Федерального Университета. Серия: Филологические науки. 2016. Вып. 3. С. 52–60.
37. Назарова Р.Ф., Серова В.Д. Демографическая политика КНР: История и современность // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. С. 42–49.
38. Ноблок Н.Л. Авторские стратегии в англоязычном политическом дискурсе :на материале теледебатов Дж. Буша-Дж. Керри. Стилиевые характеристики: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Тамбов, 2007. 177 с.
39. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1992. 956 с.
40. Парастаев Г.Н. Лексико-семантические особенности американского политического дискурса. Стилиевые характеристики: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Москва, 2012. 209 с.
41. Паршина О.Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Саратов, 2005. 325 с.

42. Роджерс Э., Агарвала-Роджерс Р. Коммуникации в организациях. М.: Экономика, 1980. 176 с.
43. Рут Р.Н. Экономика Китая и факторы её стабильности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. Вып. 11. С. 245–246.
44. Сковородников А.П. О необходимости разграничения понятий «риторический прием», «стилистическая фигура», «речевая тактика», «речевой жанр» в практике терминологической лексикографии // Риторика = Лингвистика: сборник статей. Вып. 5. Смоленск: СГПУ, 2004. С. 5–12.
45. Сорокина Ю.В. Понятие мультимодальности и вопросы анализа мультимодального лекционного дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2017. Вып. 10. С. 168–170.
46. Тихонова А.А. Риторика лингвистики текста // Научный вестник ЮИМ. Вып. 2. Краснодар: ЮИМ, 2016. С. 56–61.
47. Филинский А.А. Критический анализ политического дискурса предвыборных кампаний 1999-2000 гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Тверь, 2002. 256 с.
48. Халатян А.Б. Особенности организации современного политического дискурса // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2010. Вып. 6. С. 51–54.
49. Халипов В.Ф., Халипова Е.В. Власть. Политика. Государственная служба. М.: Луч, 1996. 271 с.
50. Хилханова Э.В. Критический анализ дискурса: принципы, методы и практика (на примере дискурса СМИ) // Вестник Бурятского государственного университета. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012. Т. Спецвыпуск А. С. 136–139.
51. Хутиыз И.П. Мультимодальность академического дискурса как условие его коммуникативной успешности // Вестник Адыгейского гос. ун-та. Серия: Филология и искусствоведение. 2016. Вып. 1. С. 90–95.

52. Чжан Лян Семья DINK: Молодёжная мода? – междисциплинарное сравнительное исследование // Социологический альманах. 2016. Вып. 7. С. 442–454.
53. Чудинов А.П. Современная политическая коммуникация: учеб. пособие. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2009. 292 с.
54. Чудинов А.П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации // Политическая лингвистика. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2012. Вып. 40. С. 53-59.
55. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 312 с.
56. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01, 10.02.19. Волгоград, 2000. 440 с.
57. Якобсон Р. Лингвистика и Поэтика // Сб. науч. статей: Структурализм: за и против / под науч. ред. Е.Я. Басина, М.Я. Полякова. М.: Прогресс, 1975. 469 с.
58. Ян Ке Исследование лозунгов и слоганов в Китае в последние десятилетия // Политическая лингвистика. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2010. Вып. 4. С. 75–80.
59. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1980. 242 p.
60. 国家统计局。2016 年国民经济实现“十三五”良好开局 [Электронный ресурс]。2017。URL: <https://goo.gl/LjNzmV> (Дата обращения: 12.09.2017)
61. 杨娜。妇女人权的文化话语研究——剖析与评估中国政府计生话语的特质、策略和原则。杭州: 浙江大学出版社, 2014。 [Ян На. Дискурс-анализ прав женщин: анализ, стратегии и принципы].
62. 汉语大字典 (Большой китайский словарь) [Электронный ресурс]. URL: <http://vdisk.weibo.com/s/ukiQEtf7qV1i/html>. (дата обращения: 07.09.2016)

63. 百度百科 (Электронная научная энциклопедия «Байду байке»)
[Электронный ресурс]. URL: <http://www.baike.com>. (дата обращения:
06.09.2016)

Иллюстрации

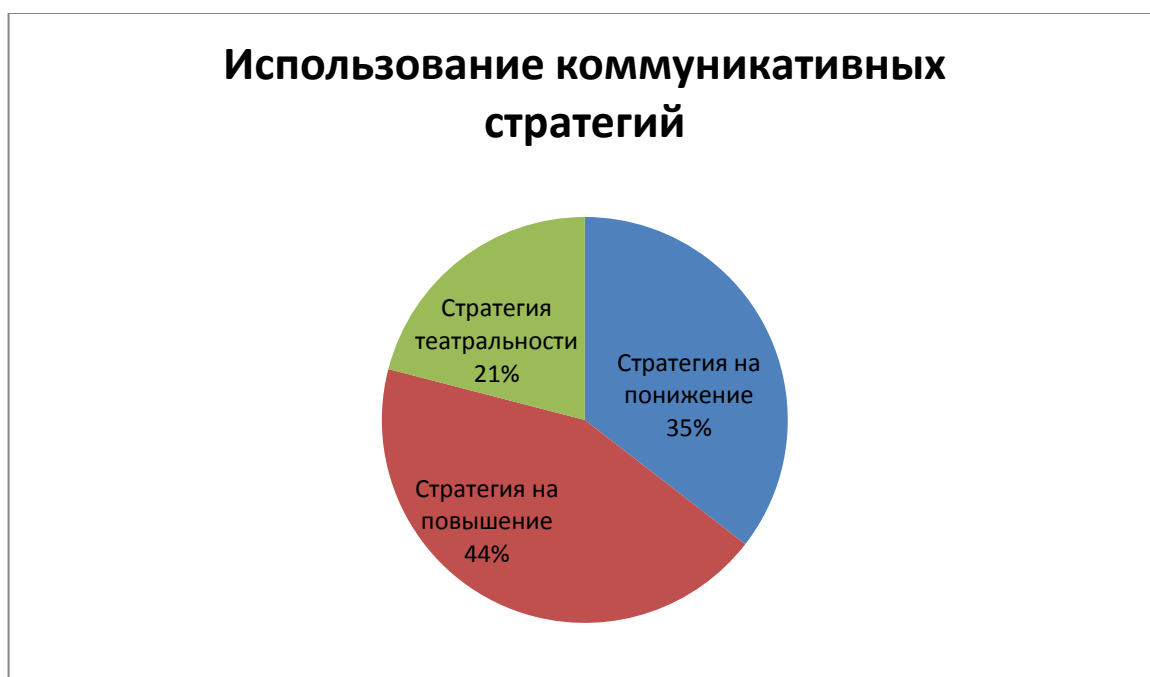

Рисунок 1. Процент использования коммуникативных стратегий

Рисунок 2.

Рисунок 3.

Рисунок 4.

Рисунок 5.

Рисунок 6.

Рисунок 7.

Рисунок 8.

Рисунок 9.

Рисунок 10.

Рисунок 11.

Рисунок 12.

Рисунок 13.

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра теории германских языков и межкультурной коммуникации

УТВЕРЖДАЮ

Заведующий кафедрой ТГЯиМКК

 /О.В. Магировская/

« 20 » июня 2018 г.

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК СФЕРА
РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ ПООЩРЕНИЯ РОЖДАЕМОСТИ
В КНР

45.04.02 Лингвистика

45.04.02.01 Межкультурная коммуникация и перевод

Магистрант

А.А. Стряпков

Научный руководитель

канд. филол. наук,
доц. каф. ВЯ
Е.В. Чистова

Нормоконтролер

Э.А. Тарасенко

Красноярск 2018